Рисунок М. СКОБЕЛЕВА

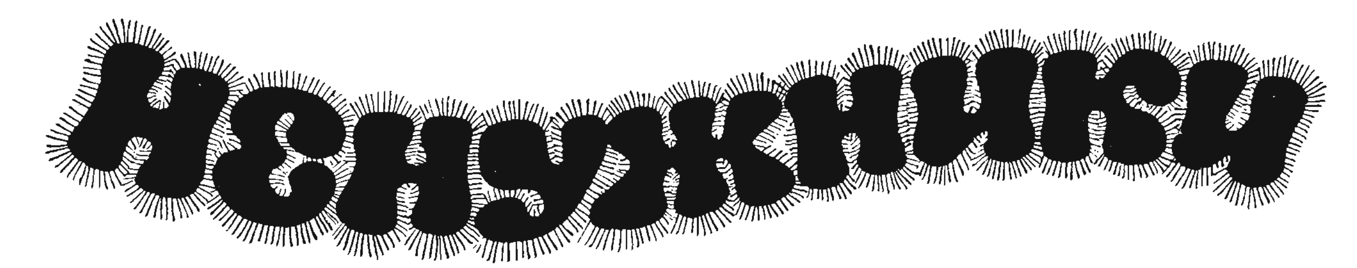
— Решения сессии читали?
— Еще бы! Уже и меры приняли!

КРОКОДИЛ

№ 28 • ОКТЯБРЬ 1972

Владимир ПОЛЯКОВ

Будучи за рубежом, я неоднократно встречал так называемых хиппи — обросших, как Робинзон Крузо, молодых людей, в изорванных костюмах, в каких выходили когда-то на эстраду куплетисты, выступавшие в «рваном жанре». Эти хиппи ходят по асфальту проспектов босиком, нечесаные, тренькают на гитарах и ведут себя крайне свободно и независимо. Их можно встретить на всех улицах и перекрестках капиталистических городов.

Эти молодые люди своим внешним видом, своим поведением и образом жизни хотят как-то иначе, не как все, самовыразиться. И вот они бродят стаями по улицам, распевают свои песни, курят до одурения, употребляют наркотики, и многие из них наводят страх на нормальных жителей.

Как-то я встретил такое трио на одной из уважаемых московских улиц. Это была миловидная девушка лет восемнадцати. У нее были распущенные, как у русалки, длинные волосы, с той только разницей, что русалки в силу того, что обитают в воде, волей-неволей вынуждены их мыть, а у встреченной мною девицы волосы были в том состоянии, что отмывать их нужно целым банным комбинатом. Впрочем, лицо ее тоже нуждалось в мыле, мочалке и хорошем куске пемзы. На голое тело была накинута какая-то дырявая, латаная хламида чуть ли не из брезента. Девушка шла босиком по горячему асфальту, серебряным лаком были покрыты давно не стриженные ногти ее ног. В обнаженной руке она несла привязанную на розовой ленточке воблу, которая была единственным украшением этой «богини». Ее сопровождали двое молодых людей. Один был похож на попа-расстригу, другой—на популярную в старых балаганах женщину-обезьяну Юлию Пастрану. Рыжий, с голубыми глазами ребенка «поп-расстрига» держал в руках облупленную гитару, а обезьяноподобный, со спутанными в колтун волосами, усатый, бородатый, с отсутствующим взором и дешевой сигарой во рту, нес «авоську» с апельсинами.

Вся улица держала равнение на это трио. Все смотрели на них с изумлением. А они, не обращая ни на кого внимания и, как мне показалось, даже не обращая внимания друг на друга, спокойно шли по улице.

Я посмотрел на них, перевел взгляд на выстроившиеся вдоль улицы новые красавцы дома, на отличные костюмы и платья прохожих, и мне пришла на ум стандартная фраза из путевых очерков о загранице: «Дворцы и трущобы».

Я подошел к этим представителям не существующих у нас трущоб.

— Простите,— сказал я и для убедительности блеснул английским «ай эм сори».— Я журналист и хотел бы взять у вас интервью.

— А на кой? — спросил «поп-расстрига».

— Для печати,— сказал я.

— Плиз,— ответила «богиня».

— Но здесь не очень удобно беседовать, может быть, мы зайдем в кафе?

— Коктейль? — спросил человек-обезьяна.— Не дадут.

— Обойдемся чашечкой кофе,— сказал я.

— О'кей,— сказал «поп».

Мы зашли в кафе. Испуганная официантка отвела нам столик, быстро подала кофе, и мы начали наше интервью.

— Кто вы такие? — спросил я.

— На этот вопрос я бы не отвечал,— сказал «поп».

— Хорошо. Вы москвичи?

— Лично я родился в «Мариенвальде»,— сказал «обезьяна».

— Не понял,— сказал я.

— В Марьиной Роще,— перевела «богиня».

— Ясно. Почему вы носите такие длинные волосы? Это удобнее? Или это дань моде?

— Модерн,— сказал «поп».

— Неправда, — сказал я. — Даже битлы давно постриглись. Так что вы уже не модны. И к чему вам тогда эта открытая грудь и эти космы?

— Сказать вам честно?

— Да.

— Мы самовыявляемся.

— Недопонял. Для самовыявления люди у нас делают открытия, вносят рационализаторские предложения, пишут стихи, выступают в самодеятельности, занимаются спортом. Они выявляют свои способности и приносят этим пользу государству, вносят свой вклад в жизнь.

— Мура,— сказал «обезьяна». — Мы не хотим быть похожими.

— На людей? — спросил я наивно.

— Ни на кого.

— Но ведь это вам не удается,— сказал я.— Тысячи таких оборванцев бродят по городам Америки, Англии, Швеции, и вы, как две капли воды, похожи на них. Так что, поверьте мне, вы неоригинальны. Не вы им диктуете моду, а они вам. Ну, скажите, чего вы, в сущности, хотите?

— Хотим? Не ходить на работу, не вставать в шесть утра, не сидеть за партой и не слушать вечных упреков родителей.

— Понятно. Вы хотите быть тунеядцами.

— Не знаю этого слова,— сказал «поп».— Я прежде всего джентльмен. Вот это я знаю.

— А не моетесь вы, не стрижетесь именно для того, чтобы никто не усомнился в том, что вы джентльмены? Уж не думаете ли вы махнуть «из грязи да в князи»?

— Мы не думаем,— сказал «поп».

— Я так и думал, что вы не думаете. А может, имело бы смысл подумать? Вот вы девушка и, как мне кажется, довольно интересная девушка, но вы же так запустили себя, что тошно на вас смотреть.

— Вот и пусть не смотрят,— сказала она.— Все равно я не верю в любовь. Нет никакой любви. «Ромео и Джульетта», «Валентин и Валентина», «Куся и Пуся»... Агитация и пропаганда. Тащите в загс? Была. Хватит. Лучше буду ходить по улицам.

— Босиком?

— А что, нельзя? — возмутился «поп».— Лев Толстой тоже ходил босиком и с бородой.

— Во-первых, он ходил босиком не по Москве, а во-вторых, он еще написал «Войну и мир» и «Анну Каренину».

— А я не писатель,— сказал «поп».

— Тогда и не ссылайтесь на писателей.

— А Хемингуэй? — спросил «обезьяна».

— А вы читали Хемингуэя?

— Нет времени,— сказал «обезьяна».— Писателей много, а я один.

— Скукота,— сказала, зевнув, «богиня».— Два часа разговариваем, и все без толку. Могли туда-сюда прошвырнуться, а тут эта лекция... Дайте хоть сигарету, а то совсем тоска...

«Богиня» закурила сигарету и, чтобы лучше самовыразиться, выпустила дым из носа.

— Эх, ребята, ребята! — сказал я.— Неинтересно вы самовыражаетесь, стандартно, неоригинально. Я вам дам совет, что нужно сделать.

Трио заинтересовалось.

— Во-первых, усы надо растить на месте бороды, а бороду — на месте усов. Баки надо отрастить, как косы, и концы прятать в карманы. Это — первое. Второе — носы запереть на висячие замки и ключи выбросить. Тогда не нужно будет сморкаться. Хорошо еще купить металлические пробки для умывальников и заткнуть ими уши. Во-первых, красиво, а во-вторых, не будете слышать никаких замечаний в свой адрес. На пальцы ног хорошо пойдут кольца для подвески штор. А эту рвань снимите и замените купальными костюмами. Их тоже в крайнем случае можно порвать. А на спинах сделайте надписи, как на учебных машинах: «Не обгонять». И тогда уже вас наверняка никто не обгонит.

Трио слушало меня с нескрываемым интересом.

— А визитные карточки у вас есть? — спросил я.

— Нет. А зачем?

— Как зачем? Чтобы вы могли представиться, чтобы знали, кто вы.

— А что мы там напишем?

— Ну что? Профессии у вас нет, образование отсутствует. Кто вы? Отдыхающие? Тоже неверно. Какой же это отдых — шататься как неприкаянные? Родителям от вас никакой радости. Государству никакой пользы. Даже самим себе, судя по выражению ваших лиц, вы давно надоели. Кому вы такие нужны? Нужны вы кому-нибудь?

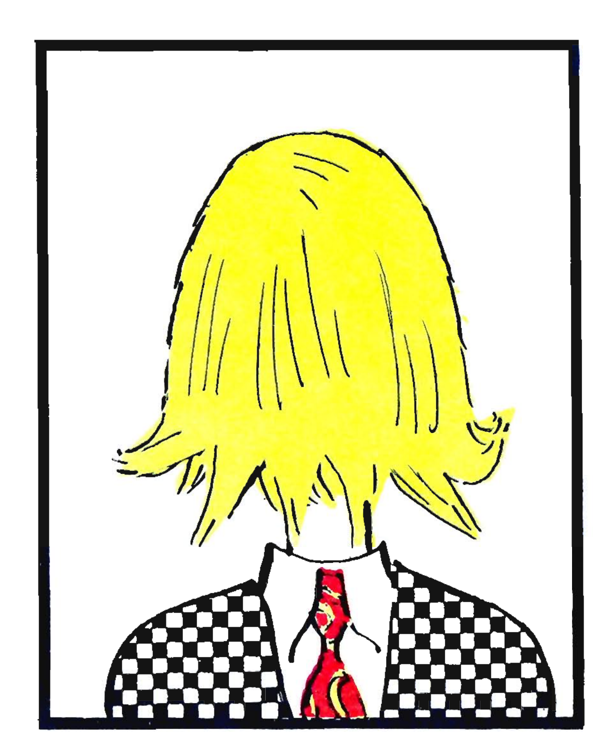
— Наверно, нет,— сказала, зевая, «богиня».

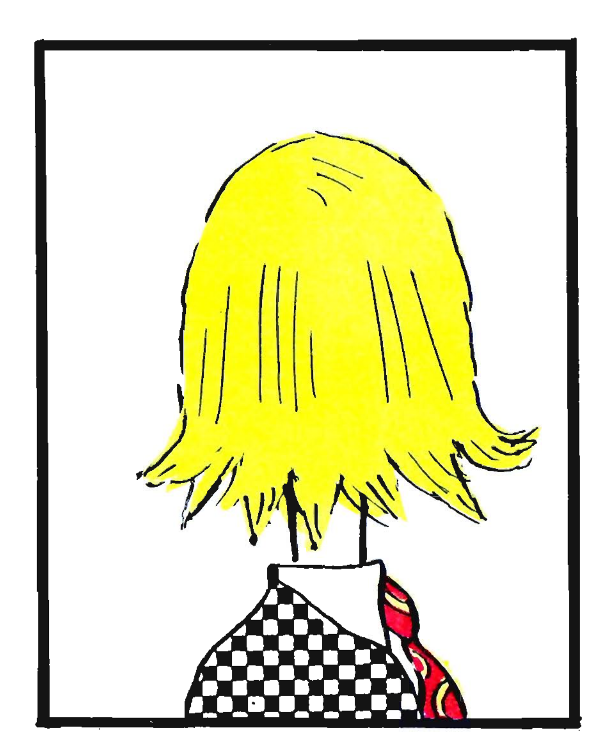
— Вот и пусть на ваших визитных карточках будет начертано: НЕНУЖНИКИ. Сразу все будет ясно.

— А что? Это звучит,— сказал «поп».— По крайней мере ни на что не похоже. А то все хиппи да хиппи. Из-за ерунды подняли хипеж.

— Спасибо за интервью. Прощайте,— сказал я.

И они подняли ноги в знак приветствия.

ЕГО ПОРТРЕТ АНФАС И В ПРОФИЛЬ

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Мих. РАСКАТОВ

СКАЗАНИЕ О НЕПРОШЕННОМ ГОСТе

На фабрике швейной
Без лишних сомнений и дум,
На фабрике швейной
Торжественный дали обет:
Создать первосортный
Двубортный вечерний костюм
В испытанном комплексе —
Брюки, пиджак и жилет.

От счастья хотелось
Смеяться и даже рыдать.
Мечты рисовали
Волшебно-прекрасный наряд.
Лишь малость осталась:
Шедевр поскорее создать —
И каждый жених, не считая иных,
Будет рад.

От слова до дела
Незримая пройдена грань.
Теперь уж не время
Мечтанья свои воспевать:
На склад поступила
Вполне подходящая ткань,
И сразу на фабрике
Начали шить-пошивать...

Давно отзвучали вдали
Золотые слова.
И тут почему-то стряслась
Небольшая беда:
Работая, видно,
Чрезмерно спустя рукава,
Какой-то умелец
Пришил рукава не туда.

О нет, не на ворот
И, верьте, отнюдь не на грудь!
О нет, не на спину,
Не в правый, не в левый карман!
А просто рукав
Был неправильно втачан чуть-чуть.
Всего-то чуть-чуть,
А чуть-чуть — далеко не изъян.

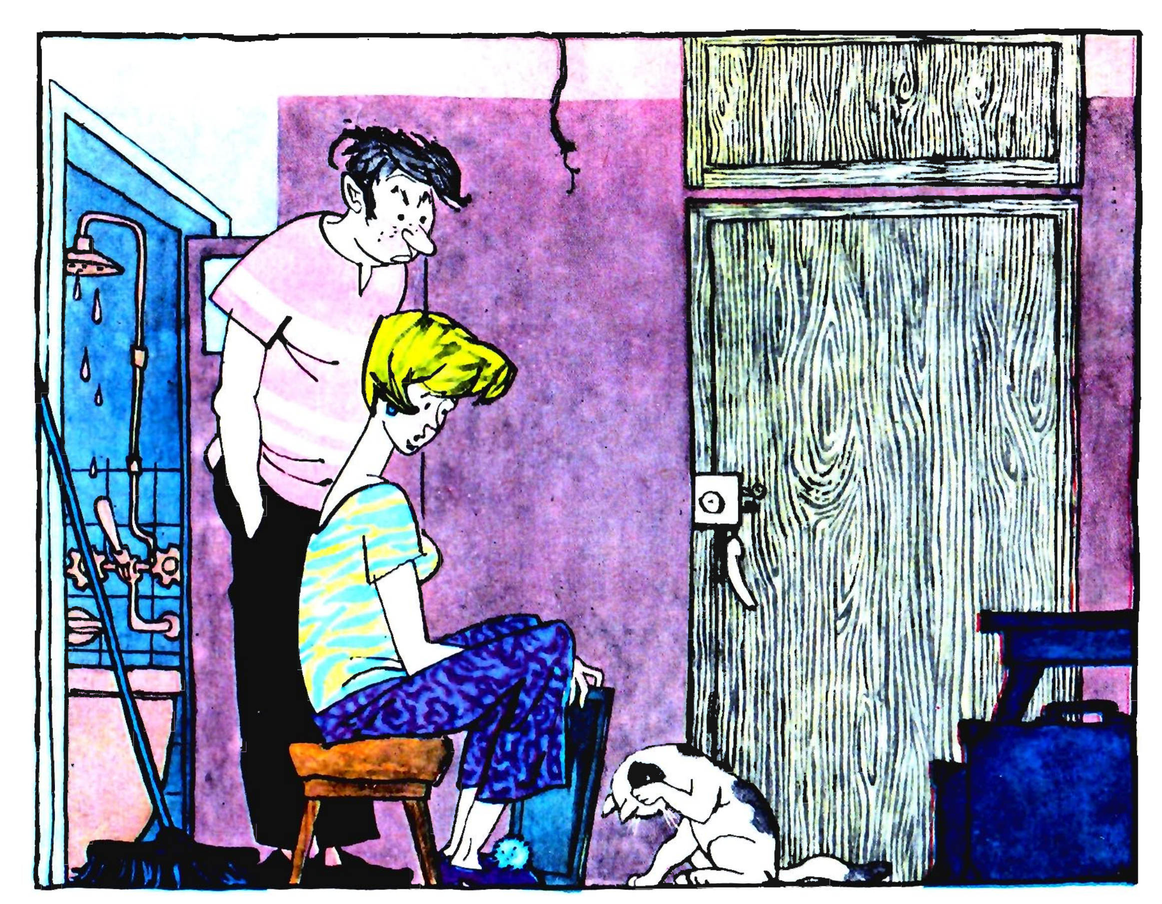
Вдобавок штанины
(На вид хороши и милы)
Годились уверенно
Только на микрообъект.
А тем, кто побольше,
Они оказались малы.
Всего-то чуть-чуть,
А чуть-чуть — далеко не дефект.

А позже случился
Совсем уж загадочный трюк —
Бывают, должно быть,
Под солнцем такие дела:
Куда-то девалась,
Простите, прореха у брюк,
Хотя по идее она,
Безусловно, была...

Но вот неожиданно,
Ясен, спокоен и прост,
Подтянут и сдержан,
Однако никак не угрюм,
Совсем не как гость
Объявился непрошенный ГОСТ,
Увидел костюм
И промолвил: «А где же костюм?»

Смотрел удивленно
На брюки, пиджак и жилет,
Глядел обалдело
На брюки, жилет и пиджак
И тихо шептал, заикаясь:
«Каков силуэт!
Да этот наряд не наденет
Последний ишак!»

На фабрике швейной
Без лишних сомнений и дум
Воскликнул директор,
Идее немыслимо рад:
— Да кто вам сказал,
Что мы шили вечерний костюм?
Мы шили наряд,
Извините, на бал-маскарад!..

— Не успели въехать в новую квартиру, а кошка уже гостей намывает...

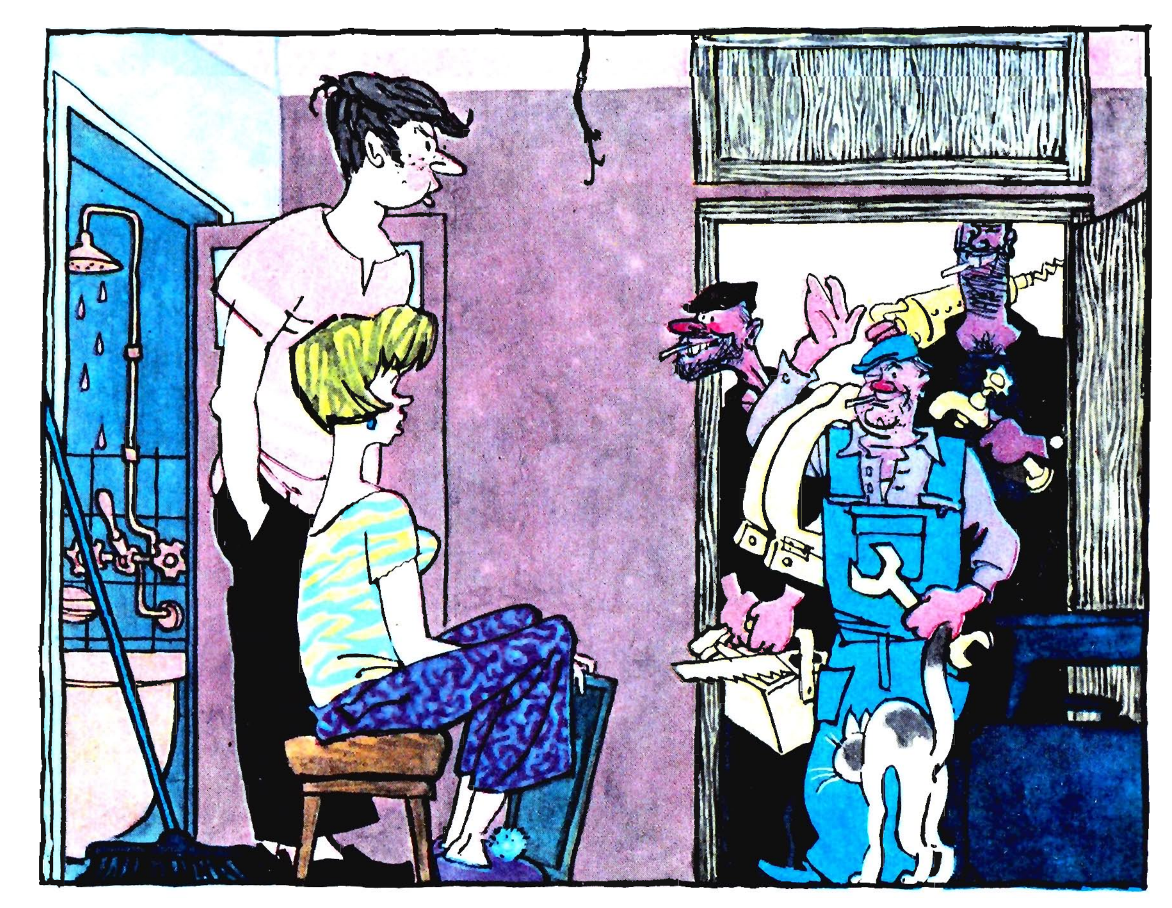

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Плоды раздумий

Подхалим подобен липе, а его слова — песням пчелиного роя, готовящего начальству липовый мед.

Ложка лжи нейтрализует бочку правды.

Мир таков, каковы его созерцатели.

Грамм примера полезнее тонны поучений.

Глупости совершаются не только там, где нет умных людей.

И у дураков всегда есть свои лидеры.

Как бы ни был хорош муж, он всегда оставляет желать лучшего.

Глупость возможно превзойти либо здравым смыслом, либо еще большей глупостью.

В раю запрещается быть несчастным.

В. ЖЕМЧУЖНИКОВ

— Недолив допускаете, товарищи дорогие!

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«НЕ ТОТ ТЕЛЕВИЗОР»

Фельетон Е. Матвеева, опубликованный под таким заголовком в № 22 «Крокодила», рассказывал о том, как председатель цехкома гидроучастка Новосергеевского угольного разреза, что в Кемеровской области, В. Исаев, купив по поручению коллектива телевизор для уходящего на пенсию рабочего, присвоил покупку, а пенсионеру пытался вручить свой старенький «КВН».

Председатель Кемеровского областного совета профессиональных союзов тов. В. Ситников сообщил редакции, что В. Исаев выведен из состава участкового комитета профсоюза, лишен звания «Ударник коммунистического труда».

Президиум областного совета профсоюзов обязал Беловский горком и шахтный комитет профсоюза Новосергеевского угольного разреза принять меры для улучшения подбора и воспитания профсоюзных активистов.

«Герой» фельетона В. Исаев возместил стоимость телевизора.

«ВСТАНЬТЕ, БЮРОКРАТ: СУД ИДЕТ!»

Так назывался фельетон Яна Полищука («Крокодил» № 19) о бюрократических замашках начальника Вышневолоцкой передвижной механизированной колонны треста «Мелиоводстрой-2» Г. М. Дегтева. Приняв на временную работу двух мастеров, он затем, после окончания работ, задерживал им выдачу трудовых книжек.

Как сообщает секретарь Вышневолоцкого райкома КПСС тов. А. Моисеенков, за нарушение трудового законодательства на начальника ПМК Г. М. Дегтева наложено партийное взыскание.

«ТЕРЕМ-ТЕРЕМОК»

Одноименный фельетон В. Козлова повествовал о матери и сыне Бережных, посвятивших всю свою сознательную жизнь личному обогащению. Укрывшись от общественности за стенами своего «теремка», они жили на доходы от домашнего хозяйства, которое они содержали на неучтенной территории. Когда же Мосгорисполком решил отдать участок, на котором стоял «теремок», под строительство гаража и предоставить его обитателям благоустроенные квартиры, Бережные, призвав на помощь волкодавов, превратили «теремок» в крепость. Затем во все инстанции хлынул поток заявлений, в которых должностные лица, причастные к переселению Бережных, обливались грязью («Крокодил» № 18).

Прокурор Краснопресненского района г. Москвы тов. В. Киракозов сообщил редакции, что в настоящее время выселение Бережных закончено. Все их жалобы своего подтверждения не нашли.

«СВОИ РЕБЯТА»

В фельетоне Ю. Алексеева «Свои ребята» шла речь о том, до какого скотского состояния доводит человека пьянство, помноженное на безразличие коллеитива к этому страшному пороку. Началось с рюмки, а кончилось скамьей подсудимых, на которую попали четверо молодых парней («Крокодил» № 17).

Заместитель управляющего трестом «Донецкуглеобогащение» тов. Н. Лисовенко сообщил редакции, что фельетон обсуждался на собраниях трудящихся. Руководству предприятий указано на слабую воспитательную работу среди молодежи. Разработаны меры по усилению борьбы против пьянства.

— Все хорошо, ну а мост все-таки будут строить?!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ

ЧЕЛОВЕК ПО СВОЕЙ ПРИРОДЕ БОБР

Одному студенту гуманитарного института, согласно вытянутому билету на экзамене, надлежало рассказать о философских воззрениях Руссо.

Студент этот был большим балбесом, к знаниям не тянулся и вообще больше заботился о культуре и здоровье своего тела, нежели духа, полагая, что в здоровое тело здоровый дух явится сам по себе. Однажды он даже вышел победителем в молодецкой телевизионной забаве, центральным аттракционом которой было перебрасывание мешков с отрубями.

Доставшийся вопрос ничуть не озадачил нашего героя, поскольку был просто вне его понимания. И поединок балбес — экзаменатор мог вообще не начаться, если бы добрые сокурсники вовремя не протянули ему руку помощи.

И балбес начал свой ответ так:

— Жан-Жак Руссо говорил: человек по своей природе бобр.

— Что?! Повторите! — взвизгнул милейший профессор, и очки слетели у него с носа.

— Человек по своей природе бобр! — недрогнувшим голосом повторил балбес.

Профессор взялся за сердце и тихо сказал:

— Сами вы бобр, голубчик. Идите. Кол.

От инфаркта профессора спасло лишь врожденное чувство юмора.

Ничего не понимающий балбес вышел в коридор и в гневе готов был раскидать, как мешки с отрубями, друзей, пытавшихся его спасти.

Меж тем друзья были решительно ни в чем не виноваты. Просто писавший шпаргалку имел не очень ладный почерк. Балбес же в экзаменационной горячке вместо «человек по своей природе добр» прочел «человек по своей природе бобр» и без тени смущения поделился этим соображением с профессором. За что и был наказан колом.

Это не выдуманная история, а, как говорится, случай из реальной жизни. Он имел местс в те давние лета, когда авторы сами были студентами и им тоже забивали головы всякими там Монтескье. Все последующие годы авторов тревожила мысль: кто же тогда был виноват в случившемся? Теперь авторы могут с полной уверенностью сказать: «Плохой почерк». Этот вывод позволила сделать одна замечательная находка, которую по значимости можно уподобить расшифровке Шамполеоном надписи на базальтовой плите из города Розетты.

Но прежде чем рассказать об этой находке, авторы взывают к особо рьяным преподавателям с нижайшей просьбой — по прочтении сих заметок не расшнуровывать пыльные папки со вступительными сочинениями, не ворошить в памяти устные ответы, не делать никакой переоценки ценностей. Как поется в одной популярной песне: «Что было, то было...»

Итак, представьте себе небольшой скверик перед театральным институтом в Москве в жаркую пору приемных экзаменов. Будущие Эдмунды Кины, Сары Бернар, Рощины-Инсаровы и Василии Лановые вот-вот готовы предстать перед строгими экзаменаторами и в последний раз поверяют друг дружке, о чем именно они не имеют ни малейшего представления.

Звенит звонок, и орава желающих стать артистами идет брать приступом альма-матер. В скверике на скамейке остается только сверток подарочного вида.

Первой мыслью проходивших мимо авторов было—через администрацию института вернуть сверток владельцу. Однако даже беглое ознакомление с содержимым случайно рассыпавшегося пакета в корне меняло благие намерения и даже заставляло подумать о немедленном привлечении уголовного розыска.

«...Онегина учили всему шутя, в его воспитании много отриц. моментов. Его не приучили к усидчивости, к систематич. труду. У него не было навыков для практич. жизни. С 18 лет Онегин начинает шутливую светскую жизнь: балы, театры, светские красавицы — вот на что Онегин убил 8 лет своей жизни...»

«...Не имея никакой перспективы на будущее и не находя для себя полезного дела, Печорин начинает растрачивать свою энергию на пустяки: увлекается светским флиртом, стреляется на дуэлях, ищет острых ощущений под черкесскими пулями. В результате всего этого Печорин начинает заниматься самоанализом...»

«...Центральным героем «Слова» является князь Игорь. Увлеченный мечтой о личной славе, Игорь забывает об общественных интересах... Всеволод показан как былинный богатырь, сокрушающий на своем пути поганые половецкие головы... Личное чувство Ярославны сливается с чувством общественным...»

«...Базаров — человек прямой, что думает, то и говорит. Будучи разночинцем, он ставит перед собой задачу: получить высшее образование и добиться своего. Сила Базарова проявляется в том, что, полюбив Одинцову, он сумел подавить в себе это чувство...»

Пожалуй, можно было бы ограничиться всего одной, скажем, первой, цитатой. Она уже достаточно ясно дает понять, почему у авторов возникла мысль о Петровке, 38.

Содержимое свертка было преступным и по содержанию и по форме. На сотнях фотографических карточек, величиною чуть больше спичечного коробка каждая, мельчайшей машинописью были изложены:

Основ. мотивы лирики Пушкина.

Тема мира и труда в поэз. Маяковского.

Жизненный путь Пел. Нил. в ром. «Мать».

Идейное сод. и худ. особ. пьесы «На дне».

Идейное сод. и худ. особ. поэмы «Мертвые души».

Идейное сод. и худ. особ. пьесы «Вишневый сад».

Образы Андрея Болконского, Пьера Безухова, Онегина, Базарова, Манилова, Собакевича, Чичикова, Плюшкина, Ноздрева, Коробочки, Сатина, Анны Карениной...

Образ П. К. в ром. Н. О. «К. З. С.»

Да, сегодняшний балбес не так простодушен, как был когда-то, он не станет рисковать и оценку своих знаний ставить в зависимость от чьего-то почерка. У вспыльчивого экзаменатора не будет никаких оснований назвать его бобром.

Мы же позволим себе это сделать, поскольку однажды имели встречу с балбесом, который прошел сквозь годы институтской учебы, зарабатывая себе приличные оценки с помощью вот такой малограмотной, но удобной в обращении коллекции шпаргалок.

В театре давали драму Лермонтова «Маскарад».

Первые два действия все шло благополучно. Но вот

БАЛ

ХОЗЯЙКА. Я баронессу жду, не знаю: Приедет ли — мне, право, было б жаль За вас.

1-й ГОСТЬ. Я вас не понимаю.

2-й ГОСТЬ. Вы ждете баронессу Штраль? Она уехала!..

Актер, игравший Второго гостя, был хорош собой, держал спину и вещал прекрасно поставленным голосом. Но, никогда не читавши полного текста «Маскарада», свою реплику он произнес следующим образом:

Вы ждете баронессу? Штраль! Она уехала!

Фамилию баронессы бобр понял как некое жаргонное словечко, введенное в обиход, быть может, самим Арбениным. «Штраль!» — дескать: «Пустое!» или «Ха-ха!». Бессмертная драма Лермонтова мгновенно превратилась в комедию.

После спектакля главный режиссер театра объяснил авторам, что Второго гостя играл недавний выпускник театрального училища, которого только что ввели в спектакль. Авторы не сочли это смягчающим обстоятельством.

Ну, а что касается того преступного свертка, то в связи с ним возникает еще одно соображение: едва ли какой-то человек, даже если он по своей природе очень добр, станет из одного доброго отношения к славному племени студентов делать эдакие вытяжки из учебников и статей, перекладывать их на полушпионский язык шпаргалки, перепечатывать на машинке, переснимать на фотопленку и размножать.

Но пока этот добрый человек не найден, пока не доказана его материальная заинтересованность и к нему нельзя применить ни одну из статей, существующих в Уголовном кодексе, авторы предлагают в дополнение к кодексу ввести новую статью:

ОСОБО ТЯЖКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ и ПРОСВЕЩЕНИЯ.

И применять эту статью ко всем, кто изготовляет шпаргалки, пользуется ими, передает их другим лицам или хранит.

ХРОНИКА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

КУПИТЕ БУБЛИКИ!

На прилавках магазинов появились бублики. Свежие. В количестве десяти тысяч. Стоимостью 25 копеек за штуку.

Испекло бублики Средне-Уральское книжное издательство.

В отличие от всех предыдущих сортов и наименований этот бублик является пищей духовной и представляет собой сборник сатирических стихов свердловского поэта Игоря Тарабукина.

В книге вы найдете много интересного. В частности, почти научное исследование смеха. Оказывается, смех бывает не только гомерический, жизнерадостный и т. п., но и утонченный:

Когда-то критики всем миром
Взялись оттачивать сатиру.
Они не хуже наждака
Ее точили, шлифовали...
Сатира стала так тонка,
Что разглядишь и то едва ли!

В книге говорится и о футбольных проблемах:

Некто ехал на футбол.
Влез в троллейбус, вылез — гол!

И о многом другом.

Вы спросите: при чем тут бублик? А при том, что сборник называется: «Ортодоксальный бублик».

Рекомендуем попробовать!

ЕДИН В ТРЕХ ЛИЦАХ

Пожалуй, из москвичей, читающих свежие номера киевского «Перца» и минского «Вожыка», едва ли не самый дотошный — журналист Ян Островский. Неспроста на его счету сотни переведеных рассказов украинских и белорусских «смехачей» — М. Билкуна, В. Канаша, А. Саленко, П. Ковалева, Л. Прокши, М. Пенкрата и других. Я. Островский переводил их для читателей «Литературной газеты», «Смены», «Огонька», «Крокодила».

Ныне большая часть этих переводов вошла в книжку Яна Островского «Четвертая история», выпущенную издательством «Искусство».

Однако Я. Островский не только переводчик юмора, но и сам юморист. Недаром в книжке можно прочитать немало написанных им потешных журналистских былей, эстрадных миниатюр и цирковых реприз.

НОВАЯ ВСТРЕЧА СО СТАРЫМ ЗНАКОМЫМ

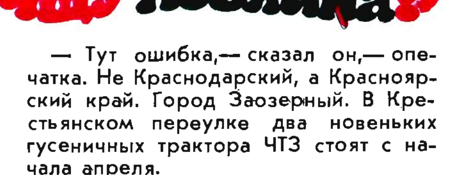
Кто же он — наш старый знакомый? Да вы же его хорошо знаете. Помните:

В стороне лесной, глухой,
При лихой погоде
Хорошо, как есть такой
Парень на походе.

Да, да, вы не ошиблись — Василий Теркин собственной персоной снова с нами. Встреча с ним и с его друзьями состоялась недавно на сцене Омского театра музыкальной комедии. Теркин и оперетта? Да может ли быть такое?

Представьте, может. И инициаторы этой встречи — композитор народный артист СССР А. Новиков, автор пьесы П. Градов, коллектив Омского театра музыкальной комедии и, конечно же, А. Твардовский. И эта оперетта-песня — добрая память о талантливом поэте.

БЕЗРАБОТНЫЕ РАБОТЯГИ

Какие бы машины ни гарцевали на наших полях — без трактора хлеборобу никак не обойтись. Да и не только хлеборобу. Трактор-работяга — он, безотказный, на все дела мастер.

И когда видишь, что вот такой труженик стоит где-то бесхозный, позабыт-позаброшен, сердце полнится грустью и хочется призвать кого-то к ответу. Но кого? И тут разгорелся читательский спор. Редакция получила целую пачку писем по поводу бесхозного трактора, запечатленного на одном из тех фотоснимков, какие мы обычно печатаем в разделе «Ищу хозяина!».

— А вот и не бесхозный! — протестует Л. Николаев из Иркутской области.— Есть у этого трактора хозяин: Приангарский химлесхоз. И стоит трактор на пути в поселок Горный, потому что гараж для него три года строят и не могут выстроить.

— Неправда ваша! — возражает ему шофер Ф. Крафт из зерносовхоза имени Ильича (Казахстан).—Эта машина стоит вблизи села Краснокиевка, в Чкаловском районе, и хозяин его — колхоз «Краснокиевка».

— Ну, и горазды же вы, друзья, на выдумки! — возмущается Н. Степанов из поселка Нерастанное, Московской области.— Это детище Челябинского завода застряло в окрестностях поселка Михнево. Зачем и как трактор сюда попал — непонятно. Тут зона отдыха, нет ни пашни, ни строительства. Может быть, решили его использовать для катания отдыхающих? Или в качестве аттракциона?

— ЧТЗ? Так это же наш, голубчик! — радостно восклицает слесарь Челябинской металлобазы А. Реня.— Он мне лично известен. Более двух лет ржавеет, сиротинка, в лесу, в Шереневском каменном карьере. Может, на нем леший русалок катает? Иначе зачем он там?

Не успели мы разобраться в этих противоречивых сведениях, как почтальон принес письмо, которое окончательно сбило нас с толку. В этом письме товарищ Хамчишкин прислал балладу, где были такие трогательные, запоминающиеся строки:

И конь стальной увяз бесславно
В болотах зыбких Павельца...

Автор баллады повествовал, что трактор ХТЗ № 459 стоит между станциями Кремлево и Павелец-1 уже больше года.

Не успели мы дочитать балладу до конца, как раздался телефонный звонок:

— Это вы дискуссию развели насчет трактора? Так не верьте никому, верьте Коле одному. Кто такой Коля? Это я, Николай Одобеско. Все, что вам тут говорили о тракторе, извините, вздор. Этот трактор Т-40-А стоит не в болотах, а в горах. Принадлежит он Шабановскому лесничеству Афипского лесокомбината Краснодарского края.

Из дальнейшего разговора выяснилось вот еще что.

Трактор должен был пойти на капремонт. Но в одно прекрасное воскресенье тракторист лесничества Н. Евдокимов, несмотря на строгий запрет, прицепил к трактору плуг и уполз «налево», пахать огород гражданина Д. Но не успел он вспахать даже грядку для петрушки, как отвалилось переднее правое колесо. Дальше «калымить» было несподручно, и Евдокимов хотел было отправиться домой на трех колесах. Но тут вывернулся передний мост.

— Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,— сказал, слезая, Евдокимов.— Из-за тебя, негодника, мне теперь шесть километров пешком идти. Ну, и торчи тут в таком случае.

И остался трактор торчать.

Эта история глубоко потрясла нас. Но не успели мы выразить соболезнование Афипскому лесокомбинату, как в кабинет постучался посетитель, тов. А. Кузнецов, и все пошло насмарку.

— Тут ошибка,— сказал он,— опечатка. Не Краснодарский, а Красноярский край. Город Заозерный. В Крестьянском переулке два новеньких гусеничных трактора ЧТЗ стоят с начала апреля.

— Но на нашем снимке не два, а один трактор!

— Как? — удивился посетитель.— Смотрите-ка! В самом деле... Но, может, их сняли по отдельности?..

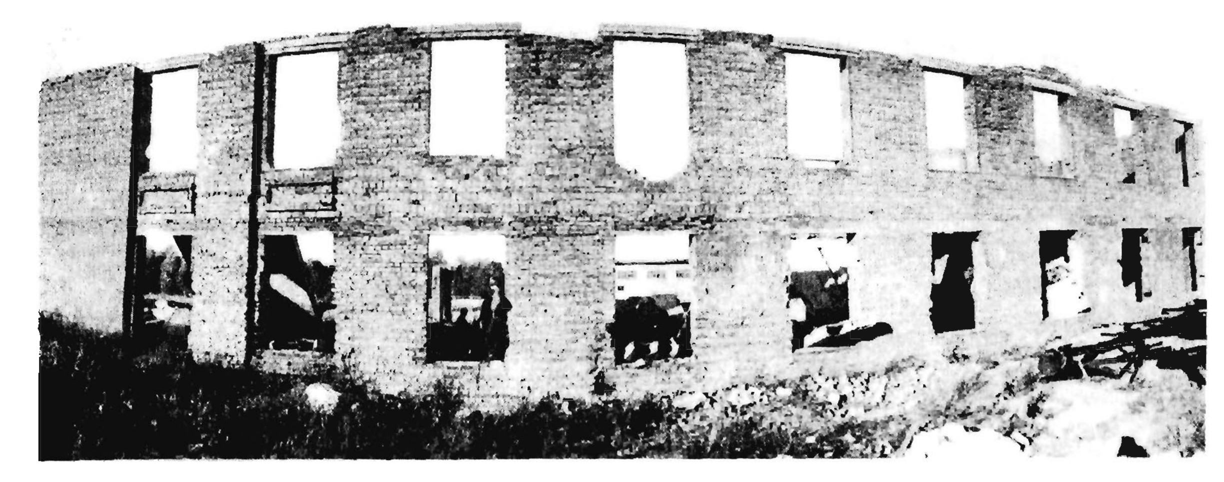
Позвольте честно признаться: эту «перекличку» можно продолжать еще очень долго. И при этом все наши гости и собеседники будут по-своему правы. Огорчительно много стальных коней разбросано нерадивыми владельцами на просторах страны: в горах и на дорогах, в лесах и в болотах.

Но трактора должны работать! У нас не может быть безработной ни одна машина! И мы берем на себя роль комиссионера — ищем для этих работяг настоящего рачительного хозяина:

— А ну, кому тракторишко нужен? Есть на всякий вкус, и новые, и старые, и ЧТЗ, и ХТЗ! И совсем недорого. А если поторопитесь — так и даром возьмете!

Л. АЛЕКСАНДРОВА

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ КОЛИЗЕЙ

В Карелии есть много памятников культуры, и все они широко известны. Но здесь до сих пор почему-то пропадает в безвестности настоящий Колизей. И пропадает не где-нибудь в глухомани, а в самой столице. Его грандиозные полуразрушенные стены, пожалуй, даже заткнут за поясок аналогичные римские развалины. Да и возрастом он помоложе. Дольше простоит, значит. Ему пока пятнадцать лет. Но пройдет какое-нибудь тысячелетие, и потянутся наши потомки-земляне и инопланетные туристы пролить слезу восторга у стен Петрозаводского Колизея...

А ведь сначала это уникальное сооружение необдуманно запланировали как обычное лечебное заведение, каких у нас тысячи. И возвели бы... Но, увидев, что из этого получается что-то непотребное, вовремя остановились и прекратили строительство...

Ищу хозяина!

Правда, злые языки поговаривают, что Колизей получился по недоразумению. Бают, что гидрологи недооценили силу подземных вод. И они, как им и положено по химическому составу, стали весьма агрессивно относиться к фундаменту, подтачивая его бетонную мощь. Потом вдруг строителей перебросили на какой-то «горящий» объект. Ну, а когда они наконец вернулись, строительные конструкции настолько устарели, что проще было все разрушить и начать сначала.

Мнение строителей горячо поддержал Петрозаводский горисполком и 15 апреля 1969 года принял решение № 197 «О сносе полуразрушенного недостроенного здания»... Однако не поднялась горисполкомовская рука на снос архитектурного памятника. Уж очень он внушительно выглядел. Но особенно внушительно выглядели затраты на его сооружение — сто шестьдесят девять тысяч целковых. И их, между прочим, нужно было списать. Поэтому стали ломать голову, каким образом списать денежки. Поломали, поломали и обратились с челобитной в Госстрой СССР. Виноваты, мол, строительная организация оказалась маломощной, да и агрессивные воды ее репутацию подмочили... Одним словом, просим извинить, а денежки списать.

...Ранней весной 1971 года вместе с хрустальной сосулькой от здания отделилась железобетонная плита, накрыв беззаботно чирикавшего воробья. Эту ужасную картину увидел начальник Петрозаводской инспекции Госархстройконтроля. В этот же прискорбный день была создана комиссия, которая заключила, что здание «восстановлению не подлежит и в самые кратчайшие сроки должно быть обрушено и разобрано, потому что представляет серьезную опасность для жителей прилегающего района и особенно для детей находящейся по соседству школы». Короче, нельзя было терять ни минуты, и проектный институт «Карелгражданпроект» в авральном темпе разработал «порядок работ по обрушению». Было расписано все по пунктикам. И первым пунктом стояло — «ограждение территории вокруг здания».

Но не заурчали алчные до разрушения бульдозеры и не заухала злая клин-баба. Колизей даже заборчиком не обнесли. Ведь разрешение на списание затрат пока не получено.

Поэтому любители архитектурной экзотики могут еще полюбоваться развалинами Петрозаводского Колизея. Только им надо поспешить. Ведь развалины — предмет не очень недолговечный...

В. КАНАЕВ

Борис ЕГОРОВ

Репетиция

Рассказ

Товарищ Хоровой, режиссер самодеятельного учрежденческого коллектива, сидел в первом ряду пустого зрительного зала и, обращаясь к тем, кто находился на сцене, привычно командовал:

— Слушайте меня внимательно! Я хлопаю в ладоши три раза. После третьего хлопка...

...Шла необычная репетиция. Контора готовилась к получению почетного диплома за хорошую работу.

Между главой учреждения Трофимом Сергеевичем Гуляевым и бухгалтером Хоровым произошел деловой разговор.

Приглашенный в гуляевский кабинет Хоровой стоял по струнке и полувнятно лепетал:

— Чем могу? Что прикажете? Данные? Цифры?

Бухгалтер начальства откровенно побаивался. Он имел по работе два выговора и, видимо, чувствовал, что вполне созрел для третьего.

Но Гуляев неожиданно ласково сказал:

— Отчеты мне твои сейчас не нужны, Хоровой. Садись. Я тебя не как бухгалтера позвал, а как режиссера, худрука. Нашего местного, так сказать, Немировича.

Хоровой приосанился, вытянул шею, поправил галстук.

— А где ты учился? Что окончил?

— Два курса театрального, а потом по бухгалтерии пошел. Волею неумолимых и безжалостных обстоятельств. Мои бывшие сверстники — уже заслуженные деятели. Если не искусства, то хотя бы культуры.

— Будешь и ты заслуженным,— убежденно ответил Гуляев.— Если не искусства, то, во всяком случае... Впрочем, что сейчас гадать? Сейчас дело есть. Срочное. Конторе со дня на день должны вручить почетный диплом. Надо бы подготовиться. Разыграть все это на сцене. Чтобы уж потом — без сучка и задоринки. А вдруг в решающий момент что-нибудь не так... Ну как, возьмешься, режиссер, срепетировать этот торжественный эпизод?

Хоровой снова вытянул шею и поправил галстук. Спросил:

— С кем?

— Что — «с кем»?

Худрук робко уточнил:

— Репетировать.

— Диплом буду получать я,— твердо ответил Гуляев.— Значит, тебе, Хоровой, придется иметь дело со мной как с одним из главных действующих лиц.

Хоровой обреченно спросил:

— И, стало быть, Трофим Сергеевич, я вас должен учить, да?

— Ты режиссер, Хоровой, или нет? Худрук ты или кто? А если режиссер, то будь хозяином на сцене! И в данном случае я не начальник тебе, а подчиненный.

Бухгалтер Хоровой, имеющий по работе два выговора, съежился. Ему стало жутко. Но в ушах звучал строгий гуляевский голос: «Ты режиссер, Хоровой, или нет? Худрук ты или кто?» И Хоровой начал понемногу распрямляться. В нем шел мучительный процесс перевоплощения.

Наконец процесс закончился, и Хоровой, сев в кресло, закинул ногу на ногу и, прямо глядя в глаза начальству, неожиданно для себя произнес свободно и наставительно:

— Итак, театр начинается с вешалки.

— Это я знаю,— ответил Гуляев.— Встретят, разденут, проведут.

— Отлично! А кого встретят? Кого проведут?

— Диплом будет вручать либо управляющий объединением, либо его первый заместитель.

— Значит, нам надо подобрать из коллектива кандидатов на роль управляющего и на роль первого зама. Управляющий, как я помню, невысокого роста — много ниже вас, седеющий, полноватый, неторопливый в движениях. Его мог бы сыграть плановик Силлурийский.

— Силлурийский не подходит. Я с ним целоваться не буду: от него табачищем разит... Он курит черт знает что.

— Вы мне портите режиссуру,— предупредил Хоровой.

— Прости. Забылся.

— Ничего. Один раз я могу пойти навстречу. Заменим Силлурийского Беседкиным. А кто будет играть первого зама управляющего?

— Тут из женщин надо искать.

— Да, да. Нужна высокая, статная. Тогда на эту роль мы возьмем... мы возьмем... мы возьмем...— Хоровой тянул, Гуляев смотрел на него с нетерпением.— Мы возьмем Тасю Чижикову из отдела координации.

Гуляев заулыбался.

— Когда будем работать?

— Завтра утром.

И вот репетиция в разгаре.

— Слушайте меня внимательно! — командует Хоровой.— Я хлопаю в ладоши три раза. После этого...

...Беседкин, играющий роль управляющего, и Гуляев, играющий самого себя, сходятся. Беседкин вручает Гуляеву «диплом», они обнимаются, целуются.

— Вяло! Вяло все у вас выходит! — огорченно замечает Хоровой.— Собранней надо быть! А делегация представителей конторы повесила головы как на гражданской панихиде. Аликова, местком, взбодрите своих! Все назад! Повторим!

Повторяют. И опять режиссер недоволен:

— Лицо, лицо у вас, товарищ Гуляев, каменное. Немножко улыбки. Улыбки победителя в соревновании. Не чувствуете вы еще своей роли! Не ощущаете торжественности момента!

Так свободно мог вести себя, конечно, не бухгалтер, а истинный деятель искусств. Может быть, в недалеком будущем даже заслуженный.

— Душевнее, Гуляев! Радостнее! Искреннее!

Потом репетировали с Тасей Чижиковой, которая играла роль первого заместителя управляющего.

— Не торопитесь, Гуляев, навстречу Тасе. Вы спешите. Чувствуйте себя более спокойно. А вы, Тася, не тушуйтесь: перед вами сейчас не начальник, а подчиненный. Взгляд немного покровительственный, снисходительный.

Так независимо мог вести себя только человек, который в творческом экстазе уже забыл, что у него два выговора по работе и на носу третий.

Гуляев и Тася снова сходятся, обнимаются, целуются. Целуются радостно, душевно, искренне.

И в этот момент в зале раздается несколько хлопков. Принадлежат они уже не Хоровому и не «делегации»: саркастически улыбаясь, аплодирует доселе никем не замеченный стоящий в дверях нежданный зритель — мужчина невысокого роста, седеющий, полноватый.

Все смотрят в его сторону. Каждый молча замер в той позе, в какой его застигли аплодисменты... управляющего. Только Аликова тихо взвизгнула: «А-яй!»

— Что у вас тут происходит, Гуляев?— спрашивает управляющий.— Я ничего не могу понять. Прошел по комнатам — пусто. Все сотрудники в отлучке, хотя не перерыв. А начальник конторы в рабочее время в самодеятельность ударился... У вас спектакль, Гуляев?

Гуляев пытается объяснить происходящее управляющему, но с его уст слетают лишь отдельные бессвязные слова, которые перемежаются мелким угодническим смехом:

— Мы вот тут... Хе-хе! Искусство, оно требует...

— Позвольте мне сказать,— хорошо поставленным голосом говорит худрук Хоровой.— Мы репетируем получение почетного диплома, который, как нам сказали, должны...

Так бесстрашно мог заявить только человек, имеющий по работе два выговора и твердо знающий, что третье взыскание нынешний начальник дать ему уже не успеет.

— Кто? Кто должен? — прерывает худрука управляющий.— За что диплом? Какой диплом?!

САЛОННЫЙ РАЗГОВОР

Рисунок Б. САВКОВА

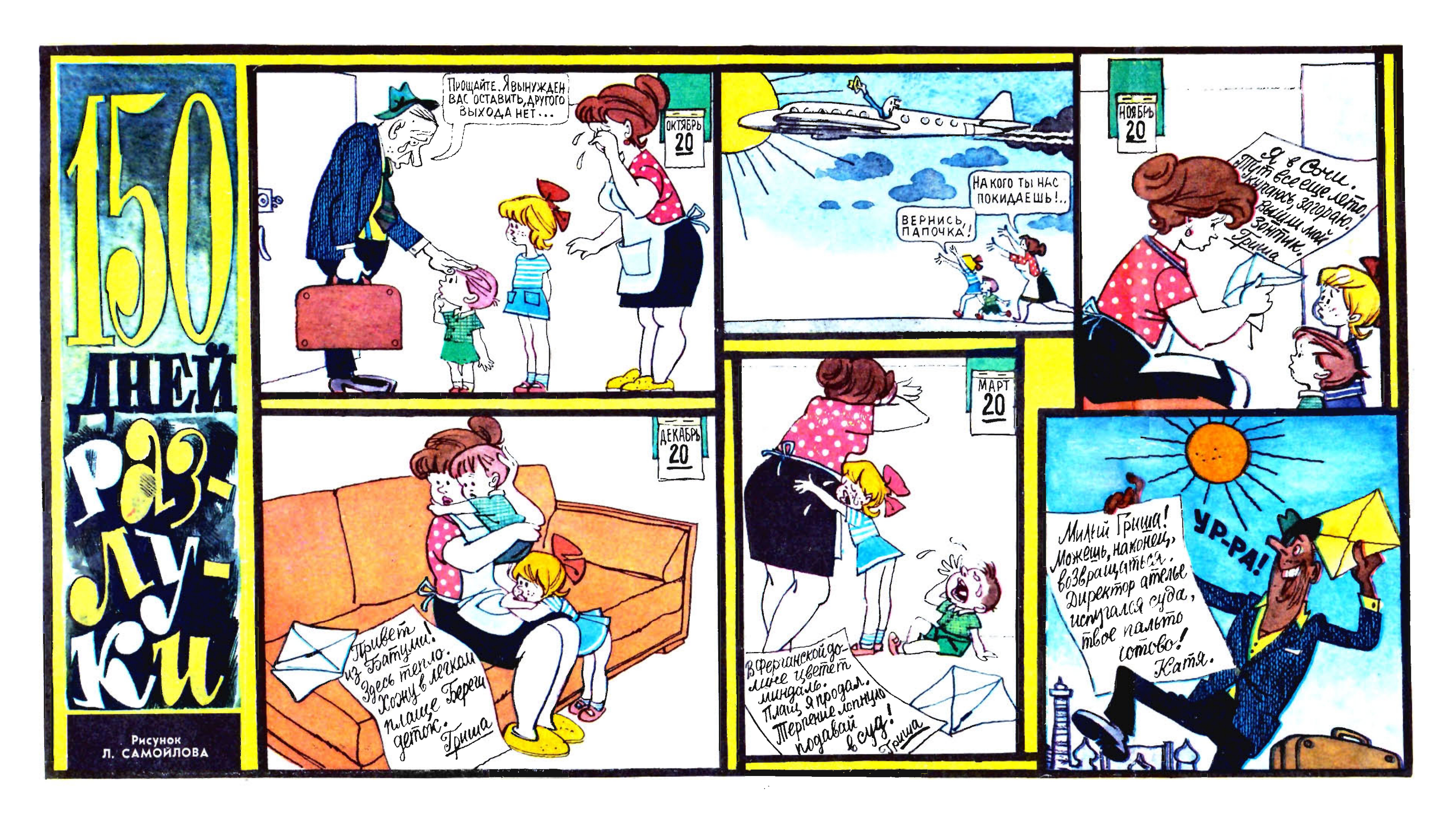

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

ВИЛЫ В БОК!

СРЕДСТВО ПРОТИВ БОЛИ

Давно установлено, что лица, страдающие зубной болью, крайне неохотно идут к врачу, а тем более к протезисту. И это понятно, ибо процедура, которой подвергается там больной, ничего приятного не сулит.

Учтя это, руководство Тамбовской районной больницы, что в Амурской области, пошло на смелый эксперимент — перевело зубопротезный кабинет в здание, один внешний вид которого приводит больного в содрогание: того и гляди обвалится...

После чего сияющая стерильной чистотой бормашина кажется больному оплотом цивилизации, и он с улыбкой отдает себя во власть разнокалиберных сверл и буров.

А. И.

Проблема решена

Тысячи ученых умов сотни лет бились над проблемой орошения пустыни пустынь — Сахары. Но, как известно, великие открытия приходят случайно, и если бы не полилась вода из трех водоразборных колонок, что на улице Титова в Чимкенте, кто знает, сколько бы еще времени ломали голову ученые над этой, казалось бы, неразрешимой проблемой.

Но вода полилась и лилась круглый год, затопляя все вокруг, подняв грунтовые воды и разрушая дома... Поэтому патент на открытие смело можно вручать Чимкентскому горкомхозу.

Теперь остановка за малым: надо проложить трубопровод от улицы Титова до Сахары, и тогда вода, радостно бурля, устремится к раскаленным докрасна вековым пескам.

А. ЖАЖДИН

Солянка в переплете

Перед нами присланная читателем А. Вяткиным книга «Советы цветоводам», напечатанная Воронежской областной типографией. Открываем страницу 128. Читаем: «...при размещении цветов на участках следует учитывать биологические особенности разных видов. Высокий декоративный эффект часто достигается умелым подбором двух-трех одновременно цветущих видов и сортов растений. При этом главную роль иг — только что слез с седла, вошел в учительскую, снял шинель и прилег на диван отдохнуть...» А далее на тридцати с лишним страницах чекисты преследуют белобандитов, а белобандиты стреляют в чекистов.

Впрочем, пальба стихает так же внезапно, как и началась. Брошюровщики опять же безо всякой докуки со стороны технических контролеров к 161-й странице возвращают читателей из бурь гражданской войны в тихую обитель оранжерей и садов.

В присланном читательницей Ж. Солнышкиной экземпляре книжки «Пирожки со слезой» нет ничего вкрапленного из других книг. Начала, впрочем, тоже нет. Текст начинается с 17-й страницы. Правда, у работников Орджоникидзевской типографии, видно, все-таки заговорила совесть. Похищенные страницы они ввернули в середину книги.

В типографии издательства «Молодая гвардия» со сборником «Подвиг» поступили менее снисходительно. Во-первых, в нем, не в пример указанному выше изданию, вслед за переплетом на правах титульного листа важно шествует не семнадцатая, а тридцать третья страница. Во-вторых, читательнице Н. Тюмасевой, приобретшей эту книгу, так и не удалось узнать, как развертывались события в повести Ю. Бондарева «Батальоны просят огня»: недостающих тридцати двух страниц не оказалось и в середине.

Работники Чеховского полиграфкомбината Главполиграфпрома в отпечатанной ими книге «Л. В. Собинов» перемешали страницы, точно колоду игральных карт. Вернее, даже не одну колоду, ибо некоторые страницы повторяются, других же нет вовсе. Наверное, при перетасовке их уронили под ломберный, то бишь под брошюровочный, стол и забыли поднять. Во всяком случае, вместе с ними для пытливого читателя утеряны и некоторые яркие страницы жизни и творчества замечательного русского певца.

Сборные солянки и винегреты обычно встречаются едоками с большим энтузиазмом. Только, конечно, при условии, если они вкусно приготовлены и подаются в тарелках, а не в картонных, бумажных или ледериновых переплетах.

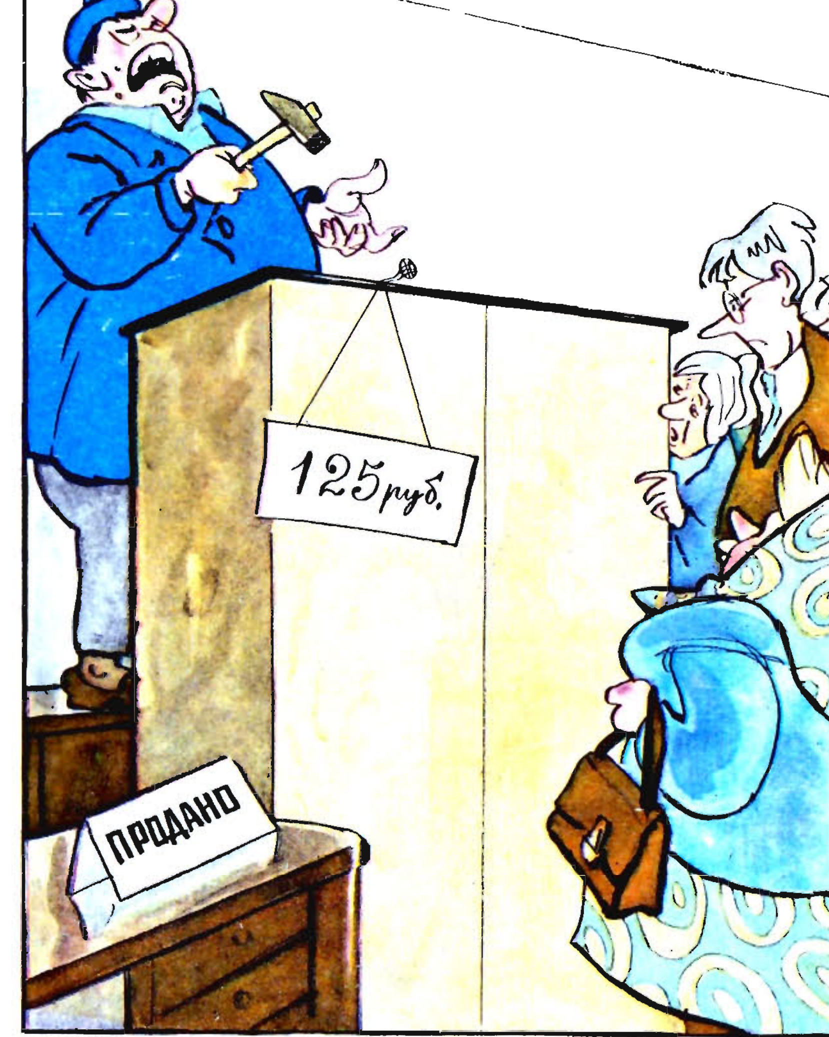
Р. БЕРКОВСКИЙ

НОВАЯ МОДЕЛЬ

Центральным Домом моделей разработан оригинальный костюм для посетителей столовой Московско-Окружного отделения Московской железной дороги. Костюм предназначен для любителей десерта и представляет собой нарядную резиновую манишку, переходящую в изящные резиновые брюки.

Закончив второе блюдо, посетитель переодевается в специальном кабинете, после чего продолжает трапезу. Как это ни странно, но толчком к появлению новой оригинальной модели послужила обыкновенная десертная ложка, которую любезно доставил в «Крокодил» наш читатель тов Ю. Левенто.

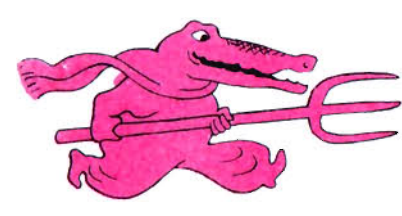

— Сто пятьдесят — раз, сто пятьдесят — два... Кто больше?..

Рисунок В. ЖАРИНОВА

ВИЛЫ В БОК!

Сладкая жизнь

— «Юбилейное» пекут?

— Не-е. У «Юбилейного» дым погуще будет. Скорее всего «Безе».

— Я вам, ребята, точно скажу: печенье «Ассорти» по два тридцать кило. Когда «Безе», тогда еще дышать можно.

Спорили жители г. Балашова, Саратовской области, проживающие по улицам Володарского, Ленина и Пугачевской. Спорили, глядя на три отчаянно дымящие трубы кондитерской фабрики горпищекомбината, расположенной в самом центре жилого квартала.

И точно. «Ассорти» это было. Сказался восьмилетний опыт дымоглотания. Два года назад, когда фильтр первой трубы начал разрушаться, а от другого остался лишь отводящий короб, кондитеры устроили жителям квартала такую «сладкую жизнь», что те не могли ни охнуть, ни вздохнуть. День смешался с ночью, белое белье за десять минут становилось рябым и грязным, зеленые насаждения — серыми.

Но ко всему привыкает микрорайонный обитатель. Привык и к кондитерскому дымоизвержению. И теперь, если вы услышите реплику:

«Мань! Чегой-то противоположного дома не видать. Никак, опять печенье «Курабье» замыслили?» — будьте уверены, что так оно и есть.

У. М.

ЕСЛИ МОЖЕШЬ — НЕ ОТПРАВЛЯЙ!

Начальник Свердловской железной дороги тов. Егоров и начальник Средураллесосбыта тов. Вишняк не терпят многословия. Им больше по нраву язык лаконичный, скупой, точнее, телеграфный. Вот таким языком они пользуются весьма широко.

Был случай, когда они вдвоем сочинили и отправили в 40 адресов телеграмму, состоящую из 1 419 слов.

Телеграмма касалась важного вопроса, слов нет. Но скажите, почему каждый из сорока адресатов был обязан читать и то, что относится к остальным тридцати девяти? Да еще каких трудов стоило из этой длиннющей (90 сантиметров) телеграммы выудить то, что предназначено именно тебе!

А вот в город Николаев в конце каждого месяца на городское отделение Госбанка из Нововолынска, Харькова, Киева, Сум стаями, точно ласточки, налетают телеграммы другого сорта. Они, правда, короткие, зато их очень много. И все одного содержания: «Срывается план реализации», «План под угрозой» или «Испытываем финансовые затруднения». А в общем и целом это значит: «Дайте денег!»

Но эти телеграфные тучи не приносят ни капли золотого дождя, потому что по инструкции «запросы и распоряжения, направленные клиентом помимо обслуживающего учреждения Госбанка, исполнению не подлежат».

Тем не менее телеграммы, зряшные, ненужные, лишние, бесполезные, идут каждый день и каждый час, загромождая телеграф, отнимая массу денег, энергии, сил.

Эх, жаль, не сталкивался с этим явлением Козьма Прутков! Он бы обязательно сказал: «Если можешь не отправлять телеграмму — не отправляй!»

Б. САВЕЛЬЕВ

ДУМЫ

Сижу я в правлении колхоза «Маяк», Нехаевского района, Волгоградской области, и думаю.

Значит, так. Телефоны не работают на мехтоку, весовой и нефтебазе.

Кроме того, они не работают в мастерской и на квартире бригадира комплексной бригады.

Еще они не работают у главного инженера и на МТФ № 2.

Вдобавок они не работают на птицеферме и на сепараторном пункте.

Да! Еще вспомнил: у главного зоотехника тоже не работает телефон. Петька вот уже шестьдесят седьмую минуту диск телефонный крутит — райцентр высекает, то есть вызывает. А я сижу и размышляю:

«Солнце наяривает? Наяривает. Косовица идет? Идет. Что же, так и сидеть, ждать милостей от природы и Урюпинского эксплуатационно-технического узла связи, который отвечает за работу телефонов? Ни боже мой, поскольку надежная связь — залог успеха».

Принимаю решение. Посылаю нарочных на мехток, весовую и нефтебазу.

Кроме того, посылаю посыльного в мастерскую и на квартиру бригадира комплексной бригады.

Еще посылаю вестового к главному инженеру.

Помимо этого, направляю курьера на МТФ № 2.

Вдобавок командирую уполномоченного на птицеферму и сепараторный пункт.

Да! Еще вспомнил: тетю Фросю — к главному зоотехнику. Тоже посылаю.

Теперь сижу и думаю: «Работать-то в поле кто будет? Петька? Тогда кого же послать в Урюпинский эксплуатационно-технический узел, чтоб телефоны наладили?»

Вот сижу и думаю.

З. КРИВОВ

Третий слон

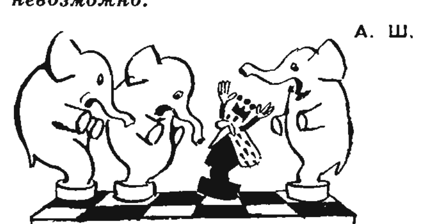
Шахматисты знают, что два слона — большая сила.

«А что если вместо двух будет три слона? — подумали работники Одесского завода чертежных принадлежностей.— Этого ни один Фишер не выдержит».

Сказано — сделано. И вот уже любители шахмат в г. Ачинске получили первые комплекты с тремя белыми слонами при одном коне. Выпуск шахматной новинки, судя по контрольному талону ОТК № 8, состоялся в декабре прошлого года.

Одесситы оказались правы: против белых играть положительно невозможно.

А. Ш.

ЗЕЛЕНАЯ ПОЛОСА

Теперь, когда Олимпиада закончена и результаты ее известны не только спортивным прогнозистам, но и всему остальному населению, когда советские атлеты завоевали 50 (пятьдесят) золотых медалей (знатоки считают, что это было сделано в честь пятидесятилетия Советского Союза), наступило время расширить жанры и формы подачи олимпийских материалов.

Отговорили свои многочасовые репортажи радиокомментаторы, отстучали свои сотни тысяч строк неутомимые репортеры, отщелкали свои десятки тысяч снимков бесстрашные фотокорреспонденты. Оперативная газетная публика сделала все, что могла. Наступил тайм-аут, и романисты-беллетристы сели обдумывать широкие полотна на означенную тему. И тут-то в самый раз выступить юмористам, ибо хорошо смеется тот, кто смеется предпоследним.

Итак, в пресс-центре, где выдавали аккредитацию, с меня прежде всего взяли подписку в том, что я обязываюсь ни в коем случае не путаться под ногами бегунов на дальние дистанции, не подставлять ножку бегунам на короткие и не болтать собственными ногами, если мне случится залезть на футбольные ворота во время матча. Кроме того, с меня взяли клятву не пугать фотоаппаратурой маленьких детей, международных судей и местную полицию. Я охотно принес указанную присягу, тем более что никакого фотоаппарата у меня не было вообще.

Мое легкомыслие не замедлило сказаться на ходе событий. Я не заметил, что вид на олимпийское жительство, выданный мне, имел какую-то загадочную поперечную полоску зеленого цвета. Но зато это было замечено другими. И прежде всего молодыми привратниками и привратницами, которые украшали своим присутствием все входы и выходы многочисленных спортивных комплексов, разбросанных по всей Баварии. Они почему-то норовили спровадить меня обязательно в какой-нибудь ров, предназначенный для фотокорреспондентов, или на какую-нибудь верхотуру, сооруженную специально для этого славного клана газетчиков. Один из привратников — юноша, похожий на короля Максимилиана, но без лошади, даже выразил удивление, почему я скромничаю и не лезу в фотопекло, а иду на рядовую трибуну...

А в пресс-центре свисали с потолков могучие цветные телевизоры, чтобы репортеры всех стран и материков постоянно находились в курсе олимпийских событий, чтобы они преодолели невозможность разорваться на части и могли одновременно видеть все, что происходит на сотнях площадок в разных городах. Телевизоры стояли всюду: на стадионе, в комнатах, в магазинах, в метро, в автомобилях, в пивных и в подворотнях. Это мигающее необозримое полчище прекрасных телевизоров наталкивало на мысль вообще никуда не ходить, тем более, что пресс-центр был обставлен мягкими, нежными креслами, располагающими к размышлениям на темы спорта и бытия.

Но Олимпиада звала в свои необозримые просторы.

Центром ее был, конечно, Олимпиа-парк, потому что именно там собирались десятки, а может быть, и сотни тысяч болельщиков и знатоков. Говорят, в этом парке между делом было взято 46 578 автографов.

Гордость строителей — Олимпийский стадион — представлял собою полную победу науки и техники над стихийными силами природы. Шелковое зеленое футбольное поле было, пожалуй, единственным свидетельством того, что травка еще может расти в этом индустриальном мире бетона, металла и пластика. Поле, подстриженное в шахматную клеточку (модная прическа современных футбольных полей), лежало, отороченное розоватой рамкой беговых дорожек, а над западными трибунами растянулся прозрачный шатер — необозримая палатка на тросах, распорах и растяжках.

Это был великий стадион, и величие его еще более подчеркивалось в сравнении с провинциальным стадиончиком маленького городка Пассау, где еще бродили деревенские запахи и в свободное от всемирных футбольных встреч время вполне могли пастись тихие козы...

Величие мюнхенского спортивного комплекса особенно бросалось в глаза после знакомства с нюрнбергским, выстроенным рядом с развалинами того самого стадиона, о котором человечество будет долго помнить. И чем дольше оно будет помнить, тем лучше. Он зарос чертополохом, и каменные ступени его заросли чертополохом, и сквозь щели его разрушенных трибун пророс чертополох. Я молча бродил по этому брошенному полю, как по обломку страшной истории, и мне казалось, что я слышу бесноватый визг и рев хорошо организованной дикости. Я слышал умершие марши и мертвую поступь гусиного шага. И звуки эти тоже заросли чертополохом, как камни...

Нюрнбержцы не восстанавливали этого стадиона. Они построили рядом новый, другой, из других камней и для других целей. Они построили новый стадион, немного похожий на мюнхенский и совсем не похожий на этот, который нужно бы забыть, но забывать нельзя. Ибо черные тени летают над этими развалинами.

— А вы знаете,— сказал мне один местный футбольный организатор, когда молчание стало тягостным,— а вы знаете, у нас в городе — двести футбольных рабочих команд!

Он смотрел на меня понимающими светлыми глазами. Возможно, он бывал здесь еще зеленым юнцом, лет тридцать пять назад...

По всей Баварии трубила Олимпиада.

Самые выдающиеся атлеты мира превозмогали непостижимые рубежи.

Суетливый щеголеватый Мюнхен, о котором говорят, что само проживание в Мюнхене — это пижонство, выставил лицом свой яркий анилиновый товар. Он звал пить настоящее баварское пиво из пивоварен, основанных, возможно, еще Фридрихом Барбароссой, и смотреть кинобоевики, отстрелянные пятнадцать минут назад в Голливуде. Он приглашал в театры, где показывали новое искусство, и в стриптизы, где ничего нового уже никогда не покажут.

А над всем его соблазнительным громом и светом маячили зеленые указатели — в Олимпиа-парк!

У каждого вида спорта есть свои приверженцы, свои прозелиты. Мужчины, которые ходят смотреть легкую атлетику, совсем не похожи на футбольных завсегдатаев, а любители баскетбола совсем не похожи на сторонников водного поло. Женщины, посещающие бокс, и женщины, посещающие велосипедные гонки,— это разные, совсем разные женщины.

И нужно только попасть сразу после железобетонного громогласия, после демократического, плебейского футбольного шума в чопорный Нимфенбург, построенный под Версаль, в Нимфенбург — столицу конного спорта, чтобы убедиться в многообразии спортивных склонностей и темпераментов человечества. Здесь нет ни мрамора, ни бетона, ни стальных конструкций. Здесь стоят сколоченные из неструганых досок, перевитые хвоей трибуны, как в кинофильме «Анна Каренина». И породистые старухи в ситцевых платьицах на породистых автомобилях с ливрейными шоферами приезжают смотреть на породистых лошадей, умных и грациозных.

Здесь господствует тишина священнодействия, здесь не оскорбляют слуха вздорными криками «Мазила!». Здесь аплодируют вежливо, один раз и один раз произносят «Браво!» — старинное слово, которое застряло в книгах и вовсе исчезло из устной речи. Здесь собираются титулованные знатоки, понимающие, что все на свете вздор, кроме лошади, и точно знающие, что король, предложивший полцарства за коня, был просто скрягой, ибо за коня можно уплатить и дороже.

И все-таки у каждого вида спорта есть истинные знатоки, которых никто не видит и о которых никогда не пишут. Они стоят в поношенных пиджачках за загородочками или сидят в дешевых пивных, потягивая «Шпатен» или «Ливенброй» из тяжелых литровых кружек, таких тяжелых, что ими можно решать политические проблемы. Это те ребята среднего возраста, которых у нас называют «тихими работягами». У них нет денег. У них есть только талант и чутье. Вот они-то и знают истинную цену спортсмена. Они ничего не имеют от спорта — ни гроша. Но с ними советуются и графы, и барышники, и жучки. Это истинные аристократы, ибо аристократизм состоит не в чванстве и не в богатстве, а всего лишь в глубоком знании предмета...

Автобусы с зелеными опознавательными квадратами носили нас по спортивным оазисам. Бокс, плавание, борьба, баскетбол, опять бокс...

Старики рефери в бабочках, похожие на президентов страховых компаний, растаскивали на рингах боксеров, выбрасывая перед ними пальцы, будто показывали внукам рожки. Победители с усталой радостью обнимали кожаными клешнями побежденных, но радость их меркла в сравнении с той радостью, с какой их обнимали побежденные.

Носились баскетболисты, как стаи страусов, среди которых малыми петушками покрикивали судьи.

А в пресс-центре кипела своя жизнь. Здесь сидели люди, которые боялись оторваться от телевизоров, чтобы ничего не пропустить. Здесь составляли прогнозы и пили молочные коктейли. Девушки в нарядах всех времен и народов разносили сласти и заедки. Прогуливались красно-желто-черные немки, стучали деревянными сабо француженки, и голландки в накрахмаленных чепчиках уплывали вдаль, как корабли под белыми кливерами.

А между кресел развозили на легких тележках чистый цейлонский чай закутанные в сари цейлонские красавицы, высокие и загадочные, как зачехленные ракеты.

И тут-то ко мне подошел знаменитый фотокорреспондент Дима, навьюченный переметными сумами, в которых покоилась его немыслимая фототехника.

— Слушайте,— сказал он,— меня не пускают снимать. Мне говорят, что нужна какая-то особая зеленая полоса.

Я все понял.

— Дима,— сказал я почтительно,— не тревожьтесь. Полоса здесь.

Спортивный обозреватель крупной газеты окинул нас взором и меланхолично произнес:

— Мне кажется, вас перепутали.

— Как перепутали?

— А так... Вас поменяли ипостасями. Знаете, есть такая песня «Давай с тобою поменяемся судьбою, махнемся не глядя». Или что-то в этом роде... Она очень популярна, и не может быть, чтобы местные компьютеры не слышали ее... Вот они и попробовали применить на практике глубокое содержание этой песни... Теперь вы, Дима, будете всю жизнь писать фельетоны, а вы (он показал на меня) будете снимать и печатать в журналах превосходные фоторепортажи...

Я обрадовался:

— Дима! Это прекрасно! В конце концов не все ли равно, кто из нас станет ездить по земному шару с вашими замечательными фотовыставками — вы или я? Не все ли равно, Дима, кто из нас станет ходить по редакциям с моими фельетонами, бичующими отдельные недостатки,— я или вы? Давайте, Дима, поменяемся судьбою — неважно, кого из нас будут хвалить за ваши снимки и ругать за мои фельетоны!

Диме песня не понравилась. Это мы тотчас поняли, глядя на его мужественное лицо.

— Надо распутать это дело,— сказал он сухо.— Оттого, что вы не напишете очередного фельетона, ничего, кроме пользы, для вашей редакции не будет, а если я не сделаю снимков, моя редакция кинет меня в бачок с проявителем.

Товарищ пошел распутывать наше дело. Он пошел сдирать с меня могучую зеленую полосу с целью наклеить ее на Диму. Он вступил в переговоры с пресс-начальством, выразительно употребляя такие чисто немецкие слова, как «формализмус» и «бюрократизмус», ибо начальство артачилось, декламируя тевтонскую поговорку: «Что с воза упало, того не вырубишь топором».

Наконец, товарищ распутал наше дело. Фотограф получил фотографово.

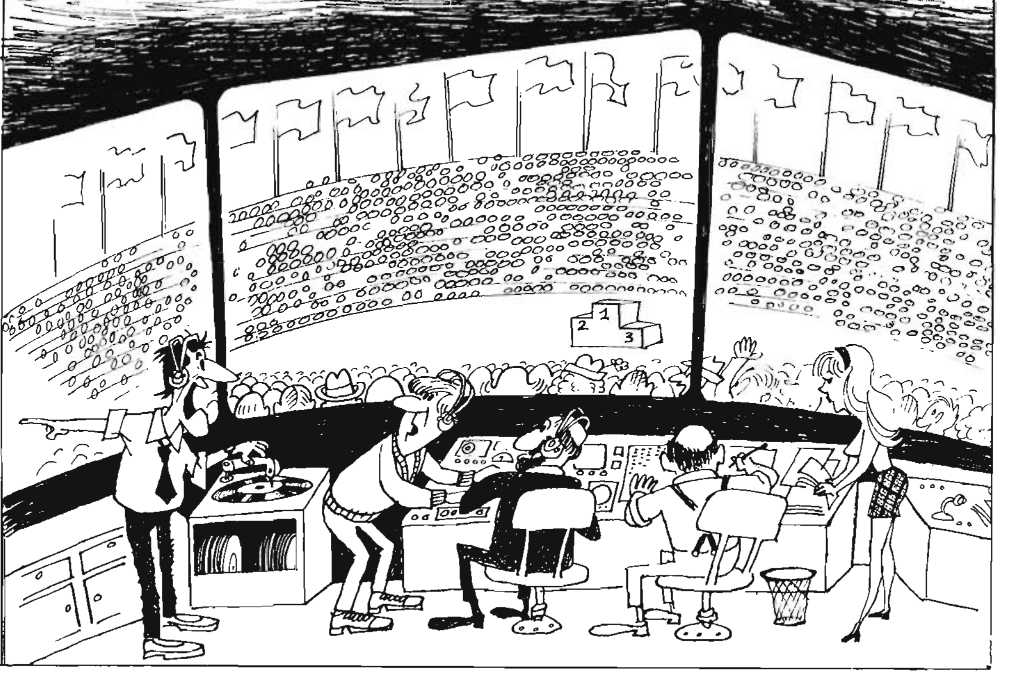
И мне стало легче. Потому что нет ничего хуже заниматься не своим делом. И я с гордостью наблюдал с репортерского места, как неутомимый Дима летал со своей фототехникой, взмывая над стадионами и ныряя в бассейны. Он путался под ногами у кого хотел с чистой душою, ибо в самом начале не давал присяги не путаться.

Присягу давал я.

И оба мы, каждый со своего законного места, следили за удивительными людьми, которые, занимаясь своим делом, каждый шаг, каждую минуту, каждую секунду ставили под сомнение предел физических возможностей человека.

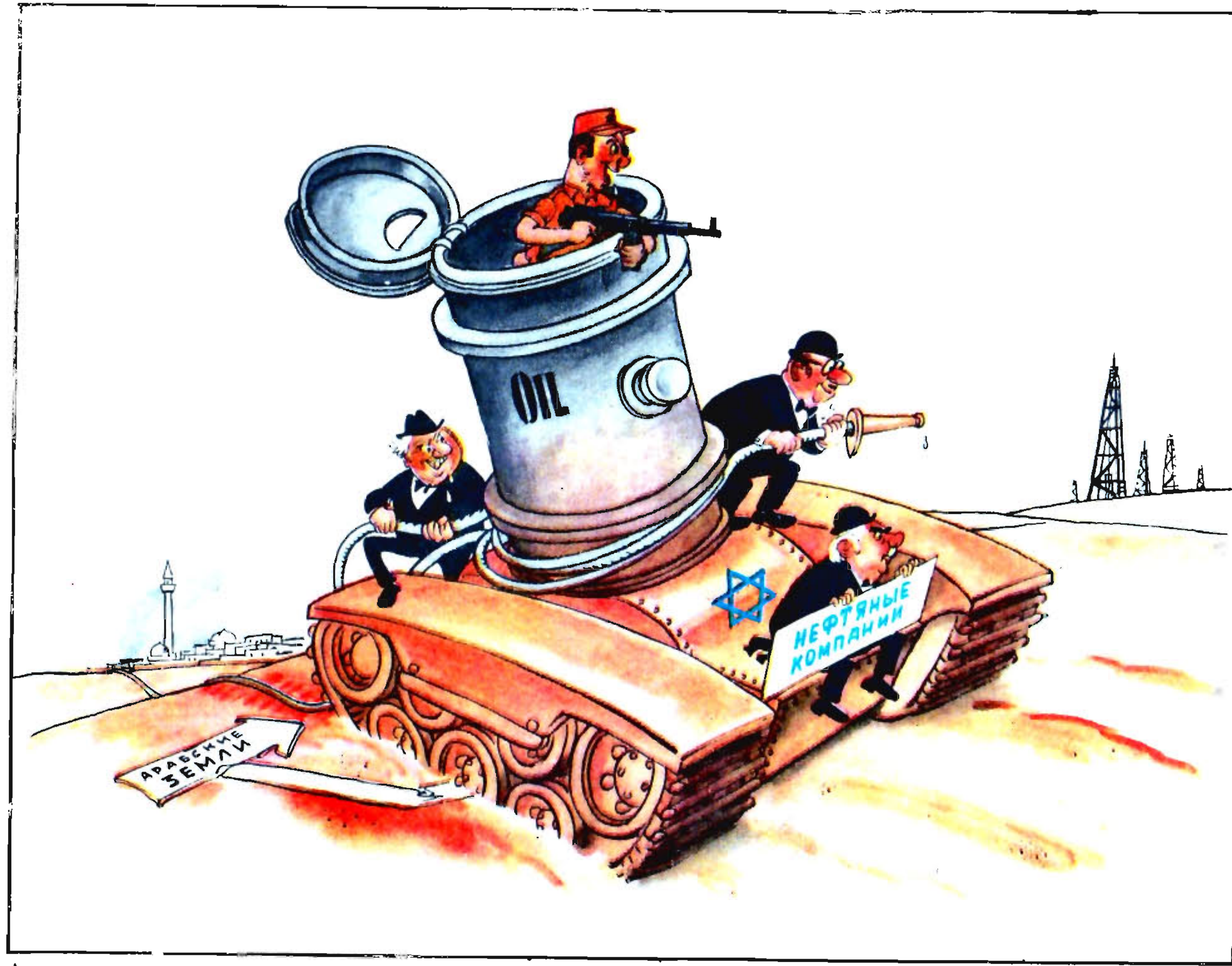
Мюнхен—Москва.

НА ОЛИМПИЙСКИХ ИГРАХ

— Дайте-ка еще одну пластинку с советским гимном — от частого употребления эта уже почти стерлась.

Рисунок Франциско БЛАНКО (Куба)

Армия вторжения агрессора.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

М. ЕВСЕЕВ

ПАРТЫ В ОККУПАЦИИ

Английские оккупационные войска занимают под казармы североирландские школы.

Этот на первый взгляд грустный факт, в сущности, ничего грустного в себе не заключает. По ряду причин, которые мы беремся изложить ниже.

Начнем с того, что учиться хотят все.

...Солдат Билл тщательно устанавливает на полу бывшего школьного класса новенький голубой глобус, разбегается и бьет по нему тяжелым башмаком. Солдат Майкл в великолепном прыжке отбивает глобус собственным лбом. Столкновения не выдерживает учебное пособие: оно трещит по всем своим меридианам. Билл и Майкл интеллектуально заливаются грудобрюшным смехом.

— Молодцы, ребята! — улыбается полковник Джон Кастет.— Уж если изучать географию, то только так! А теперь займитесь этой... как ее... анатомией человека!

— Есть, сэр! — рявкают солдаты и волокут скелет.

— Ну, что следует делать с этими вражескими костями? — спрашивает Джон Кастет.

Билл и Майкл лихо колют скелет штыками.

— Далее! — настаивает полковник.

Билл и Майкл усердно стреляют в скелет резиновыми пулями.

— Еще! — подбадривает начальство.

Билл и Майкл бросают в скелет гранаты.

— Правильно! — хвалит полковник и посылает солдат в город на производственную практику.

Обучение идет весело и непринужденно, позволяя реально надеяться, что в самое ближайшее время добросовестные английские солдаты коренным образом повысят свое образование.

Что же касается североирландских школьников, лишенных школ, то и тут нет ничего внушающего хотя бы малейшую тревогу.

243 года назад Джонатан Свифт внес свое знаменитое «СКРОМНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ, имеющее целью не допустить, чтобы дети бедняков в Ирландии были в тягость своим родителям или своей родине, и, напротив, сделать их полезными для общества». Свифт предлагал детей попросту съедать. Мы ни в какой степени не повторяем полного едкой иронии предложения великого сатирика. Больше того, мы убеждены, что сложившаяся ныне ситуация таит в себе бездну радостей — отныне североирландским детям не придется замыкаться в четырех школьных стенах и скучая просиживать за партой штаны. О нет, теперь перед детьми открываются исключительные возможности для расширения кругозора и приобретения бесконечного множества знаний. Так что пусть каждый североирландский учитель скажет свое большое и сердечное спасибо английским солдатам и посмотрит вокруг. Боже, сколько отличных мест для занятий увидит он среди баррикад и рядов колючей проволоки!

Мы явственно представляем, как в глазах учителя вспыхивает трепетный педагогический огонь, как активно начинает теплеть его добрая душа и как на следующее утро он собирает своих питомцев и начинает учебный день в новых оптимальных условиях.

— Дети! — говорит учитель. — Сегодня наш первый урок состоится в парикмахерской. Если, разумеется, она уцелела и нам удастся до нее добраться без потерь. Да, да, дети, не удивляйтесь. Урок в парикмахерской — это прекрасно. Тем более, что кое-кто из вас до неприличия оброс. Там мы займемся химией — посмотрим, как брюнетка превращается в блондинку, а также приведем в порядок свои шевелюры.

И дети, прижимаясь к стенам домов, короткими перебежками пробираются к парикмахерской, где знакомятся с основами химии, а заодно подстригают вихры.

— Дорогие дети! — вновь говорит учитель.— А сейчас мы идем в бар. Там у нас состоится урок пения.

И дети идут в бар, где в унисон с завсегдатаями выводят неокрепшими голосами «Бэтси, нам грогу еще!». Можно поручиться, что никогда и ни в каком школьном помещении вокальное искусство учащихся не достигнет таких высот, как в этом чудом уцелевшем баре.

— Дорогие дети! — опять говорит умиленный учитель. — Следующий наш урок — новейшей истории состоится на уютном, комфортабельном, одним словом, превосходном чердаке, с которого перед вами в буквальном смысле откроются новые горизонты!

И он осторожно ведет ребятишек на старый, заброшенный чердак, откуда очень хорошо видны сожженные и взорванные английскими солдатами дома...

Занятия успешно продолжаются.

Итак, любому непредубежденному лицу предельно ясно, что переоборудование североирландских школ в казармы для оккупантов — глубоко положительный акт, заслуживающий всяческого одобрения.

Доверительные строки

г. Кривой Рог, И-ву С. В., от которого получено следующее:

«Дорогая редакция!
В свободное время я осмысливаю насчет нашего бытия и шлю вам результат:
О ноги-конечности! Вами хожу.
О руки-конечности! Вами беру.
Мой нос засасывает воздух,
Очами я на все гляжу,
А ртом глотаю воду
И с вами говорю».

Дорогой С. В.!
Взяв в свои руки-конечности ваше послание и взглянув на него своими очами, мы тоже начали судорожно засасывать через носы воздух, глотать ртом воду и при этом еще говорить друг с другом по поводу ваших стихов.

г. Семипалатинск, Д-ву Е. А., приславшему такое описание:

«Она обозрела его авантюрный и довольно обособленный вид, слишком односторонне мнящий о себе, и отметила про себя, что его тяготеющая к хохоту улыбка моментально перестала блуждать».

Это и понятно: когда вид вашего героя начинает мнить о себе самостоятельно, в отрыве от своего носителя, герою не до хохота и не до блуждающих улыбок.

Кстати говоря

Дорогая редакция!

В номере 14 я прочитала заметку В. Копоревой, в которой говорилось о ремонте школ. Интересно, существует ли приказ, обязывающий родителей делать ремонт школы, а учителей — отвечать за этот ремонт? Я училась в школе в тяжелые послевоенные годы, но не помню, чтобы моих родителей приглашали в школу для ремонта.

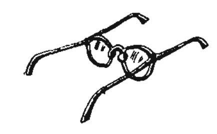
И еще. Мы сдавали экзамены в торжественной обстановке, школа имела учебный вид. Не знаю, как в других городах, но в школах нашего города полнейший беспорядок. Оставляют 2—3 класса для экзаменов, а в остальных классах и коридорах — ремонт. Какое уж тут торжество? Тут главное — не запачкаться в краске и в известке, когда прыгаешь через ведра и банки, чтобы пройти в класс, предназначенный для проведения экзаменов. И разве в состоянии ученик сидеть 4—6 часов в помещении, где стоит запах керосина, ацетона и прочих «ароматных» веществ? К тому же учтите: у нас летом жара 35—40 градусов. И на все это не обращается внимание, главное — ремонт. То, что ученики и учителя покидают помещение школы с головной болью, никого не касается. Ведь за это директора никто не поругает, а вот если ремонта летом не закончат, тогда директора и весь коллектив помянут недобрым словом в местной печати.

Г. ВЕСЕЛОВКИНА
г. Чарджоу, Туркменской ССР

Улыбнись, читатель!

В № 9 «Крокодила» были помещены рисунки художника Божо Коса «Патенты».

Е. Бураков из г. Пензы дал им свою оценку.

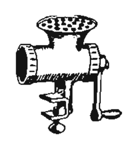

Очки для влюбленных.

«Так что же, по-вашему, они должны ходить, уткнувшись нос к носу? И вообще у влюбленных могут быть разные линзы».

Уважаемый товарищ Бураков! Художник изобрел эти очки исключительно для тех случаев, когда любовь слепа.

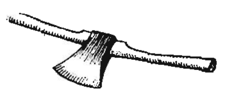
Машина для превращения фарша в вырезку.

«Я вообще не понял».

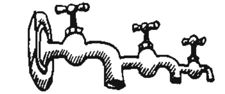
Внутри машины скрыто электронно-лазерное устройство, работающее на молекулярном принципе.

Топор для двоих.

«Таким топором не размахнуться двум людям».

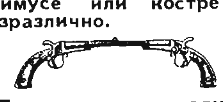
Действительно, допущена небольшая неточность. Лезвие следует снабдить зубьями. Получится прелестная пила для двоих.

Кран для холодной, теплой и горячей воды.

«Не понял!»

Вода из второго крана нагревается до 30° С, вода из третьего — до 70° С, на газовой плите ли, на примусе или костре — безразлично.

Пистолеты для дуэли в малогабаритной квартире.

«В Советском Союзе на дуэль не выходят, тем более в квартире».

Именно поэтому пистолеты предназначены для бескровных дуэлей с ничейным исходом.

Иллюстрация к строке в отчете: «Пьянство в районе заметно падает».

Рисунок Бориса ЛЕО

Из украинских поэтов

Петро РЕБРО

СТАЛЬ И ШЛАК

Шлак бормотал: — Скажи на милость,
Как Сталь сегодня загордилась!..
А между тем она со мной
Была вчера в печи одной.

Владимир ЧУБЕНКО

ЖИЛЕТ

С трибун порой гремят его слова:
— А ну, засучим рукава!

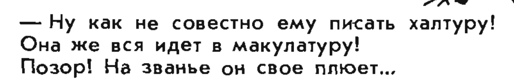
Кость МИХЕЕВ

НЕПРЕКЛОННЫЙ

Ушла Горпина, яростна и зла,
И вновь вернулась к Николаю:
— Прости!
— Прощаю, что ушла,
А что вернулась — не прощаю!

Юрий КРУГЛЯК

ПИСАТЕЛЬ ВАСЬКИН

— Ну как не совестно ему писать халтуру!
Она же вся идет в макулатуру!
Позор! На званье он свое плюет...

А Васькин слушает... да книжки издает.

Перевел Н. СКРИПНИКОВ

Владимир ЕВТУШЕНКО

Рассказ

ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

Собрался «треугольник» обговорить вопрос, кого поставить начальником участка номер один. В числе кандидатов зафигурировал Петька Хохолков.

— Это тот, вихрастый, из подсобно-подготовительного? — спросил директор.— Знаю. Огонь-парень.

— Общественник. Комсорг бригады. Принципиален,— уточнил секретарь парткома.

— И рационализатор и в хоре поет,— дополнил председатель завкома.

Директор повертел в руках анкету выдвиженца.

— Вот только одно смущает: молодо-зелено.

— Да, в принципе это так,— согласился секретарь.

— И никакой тебе степенности,— добавил председатель. Подумав еще раз, добавил:— И молодо и зелено. Петушок!

Порешили: пускай Петька Хохолков еще побегает в подсобно-подготовительном, пускай повзрослеет. Пусть по молодости лет песни попоет.

Не то через год, не то через два встал вопрос о назначении нового начальника. На этот раз на участок номер два. Известное дело: опять собрался «треугольник». Кого?

О Петре Хохолкове, том самом, что из подсобно-подготовительного, вспомнили.

— В техникум поступил. Это хорошо,— кивнул директор, глядя в анкету.

— Беседы проводит,— сказал секретарь.

— И женился,— дал справку председатель.— Детей, правда, еще не числится.

Подумали немножко. Каждый про себя, а потом сообща.

— Н-да... — вздохнул директор. — Вот ежели бы он техникум окончил.

— Вообще-то,—сказал секретарь,— можно подождать. У него все еще впереди. В принципе.

— А что! — подхватил председатель.—Тем временем прочно семьей обзаведется! Насчет детишек я... Остепенится. И не до танцулек ему будет.

На том и порешили: погодить еще немного с Хохолковым, с Петькой-петушком то есть.

Время, как известно, идет.

Не раз и не два еще сходился «треугольник». По кадровым в том числе вопросам советовались.

Подбирали начальника на участок номер три...

И номер четыре...

И номер пять...

И номер шесть...

А совсем недавно встал вопрос и о начальнике участка номер десять. А что? Предприятие за истекшее время сильно выросло. Махина!

Кого сделать начальником участка номер десять?

Всплыла и зафигурировала в числе других кандидатура Петра Ивановича Хохолкова, того самого, что из подсоб...

— А-а... Знаю. Полный такой, седой,—одобрительно кивнул директор (не тот директор, а новый: тот, старый, ушел на пенсию).

— После техникума институт окончил. По нашему профилю,— взглянул на первую страницу анкеты секретарь парткома (не тот, что был, а новенький, тот, старый, выдвинут выше, не то в район, не то в область).

— Ого! Пятеро детей, и все сыны! — провел пальцем по четвертой странице анкеты председатель завкома (не тот, понятное дело, а новый. У того, у старого, говорят, был не то инфаркт, не то инсульт) и, подумав, добавил:— Степенный отец семейства.

Помолчали так и эдак. Анкетные данные взвесили. «За» и «против».

Директор сказал:

— Вообще-то двигать давно пора. Инженер. Организатор. Опыт...

Секретарь согласился:

— В принципе да. Засиделся Хохолков в подсобно-подготовительном.

Председатель добавил:

— Рос на наших глазах.

«Но»...

Никто вслух не сказал этого «но», а подумать подумали все сразу. А что? Разве так не бывает, когда во время коллективного совета «треугольника» это самое «но» приходит на ум одновременно всему его составу?

Так и в данном вот случае молча сложилось единое объективное мнение: возраст у выдвиженца уже того... не того... Н-да...

А время идет, идет...

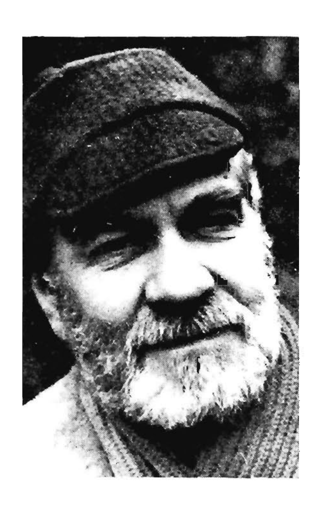
Как-то, между прочим, возникла на совете «треугольника» одна мысль:

— Есть у нас один ветеран, товарищ Хохолков из подсобно-подготовительного. Что, если мы его выдвинем... Знаете куда?

— Согласны,— оживленно поддержали предложение директора секретарь и председатель (все трое не те, старые, и не те, что потом пришли и ушли, а совсем новые, молодые,— одним словом, выдвиженцы).

Порешили единогласно: выдвинуть Петра Ивановича Хохолкова в отдел кадров, посадить на сектор ветеранов. Участок тихий, спокойный, без нервотрепки. А там и на пенсию человеку скоро.

г. Воронеж

ПАМЯТИ ХУДОЖНИКА

Умер Борис Иванович Пророков — художник-коммунист, замечательный мастер сатирической графики, человек большой сердечности и теплоты.

Б. И. Пророков рано заявил о себе как о талантливом карикатуристе десятками и сотнями выразительнейших карикатур и плакатов, печатавшихся на страницах «Комсомольской правды». Уже будучи зрелым мастером, он вошел в плеяду лучших крокодильских художников. Журналу Борис Пророков отдал много сил и творческой энергии как его художественный редактор и постоянный, любимый читателями автор карикатур.

В годы войны художник-боец был на переднем крае, его плакаты и листовки звали солдат на подвиги. Да и сама работа художника-фронтовика и в годы войны и в послевоенное время была подвигом. Тяжелобольной, он продолжал упорно работать, создавая все новые и новые серии карикатур, плакатов, графических листов, проникнутых ненавистью к врагам мира, ко всему гнилому, отжившему, подсказанных горячим чувством любви к людям, тревогой за их будущее.

Борис Пророков ушел из жизни, оставив богатое художественное наследие. Его вклад в развитие советской сатирической графики поистине неоценим. Читателям «Крокодила» памятны его острые сатирические рисунки «Папина «Победа», «Американская свобода», иллюстрации к фельетонам С. Нариньяни, многие другие работы.

Крокодильцы навсегда сохранят в своей памяти светлый образ замечательного художника-бойца.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Мной была заказана говядина, но при получении порции оказалось, что полпорции говядины, а полпорции сердце. При вызове повара поменять сердце на говядину опять был подан кусочек сердца, но при этом повар утверждал, что у него сердца нет».

(Из книги жалоб столовой).
Выписал Б. Токарский, г. Львов.

«Сейчас повсюду широко развертывается борьба за искоренение из нашей жизни пьянства и алкоголизма. Идет эта борьба и в нашем районе. Однако книга записей в медвытрезвителе еще не окончена. Долг каждого из нас — принять все меры к тому, чтобы в этой книге как можно скорее была дописана последняя строчка».

Газета «Камская новь». Камбарский район, Удмуртской АССР.

«Зубр предназначен только для работы фотографа горы Ахун (личный инвентарь) — фотолюбителям не использовать как объект съемки».

(Объявление).
Прислал Д. Вайль, г. Сочи.

Фото С. Васильева, станция Александровская, Ленинградской области.

«За отчетный период мы не приняли в профсоюз ни одного человека. Это маловато для нашей организации».

(Из отчетного доклада).
Переписал В. Крикунов, Краснодарский край.

«Просим Вас вместе с расследованием по делу забоя коровы принять меры к жеребцу».

(Из заявления в милицию).
Выписал Н. Маслюк, г. Сургут.

«Начальнику Бельцкого ГОВД МВД МССР

7 апреля 1972 г. в период с 2 час. до 4 часов ночи с завода похитили двух служебных собак. Собаки были похищены путем взлома деревянного забора. Прошу вашего содействия в розыске вышеуказанных собак.

Начальник отдела охраны завода Кузьмин».

Копию снял М. Жосан, г. Бельцы.

«Со стороны производственной деятельности мастер цеха Пухов М. А. от дисциплинарных наказаний уклонялся, а в связи с замкнутым образом жизни его моральное лицо — неясное».

(Из характеристики).

Прислал Н. Абромайтис, Грязовецкий район, Вологодской области.

ПРО МОДНЫЕ ГАЛСТУКИ

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

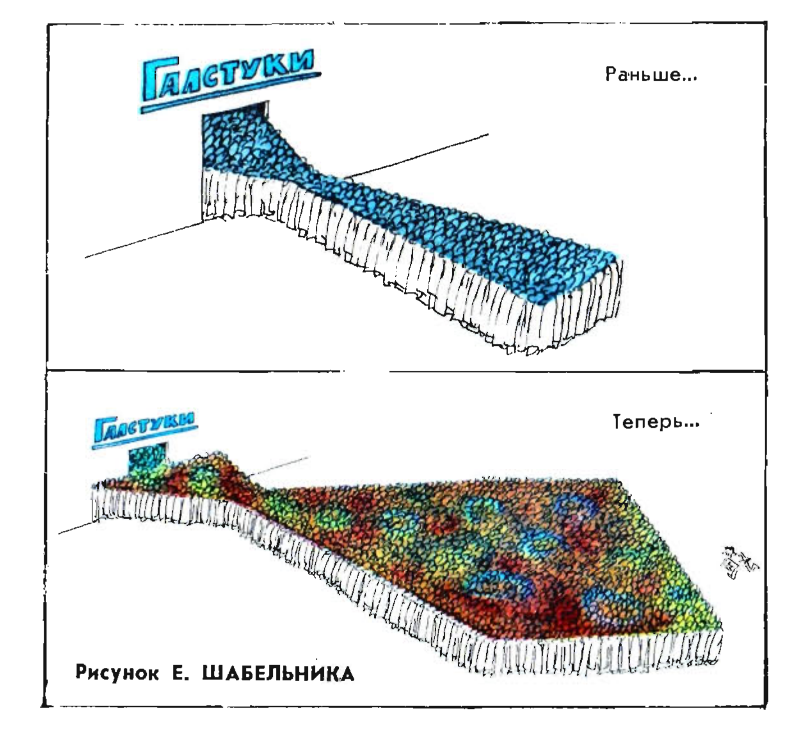

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

Рисунок А. ГРУНИНА

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Бернар ЖЕРВЕЗ (Франция)

СТАРЫЙ СПОР

Только я знаю всю правду о старой ссоре между Фриком и Тартом.

Началось все в один прекрасный вечер, когда эти два уважаемых человека сидели в кафе «Оноре» и вдруг решили сыграть партию в бильярд. Они уже почти кончили партию, когда на стол вдруг мягко прыгнула кошка, спасавшаяся от проделок хозяйского сына.

После того, как мальчик был отшлепан и кошку выбросили на улицу, можно было продолжать игру, но господин Тарт сказал своему партнеру:

— Я понимаю, что вы могли попасть в лузу, однако вы все-таки в нее не попали. Надо начать партию сначала.

— Ни за что,— твердо возразил Фрик.— Нет никаких сомнений в том, что мой удар достиг бы цели, если б не кошка. Я выиграл!

— Вы нахал!

— Негодяй!

Прошло пятнадцать лет, а Фрик и Тарт не обмолвились за это время ни словом.

Однажды Фрик укрылся от дождя под навесом возле обувного магазина. Другой пешеход, застигнутый дождем, подошел к тому же навесу.

— Какая ужасная погода! — сказал Фрик, смотря в спину незнакомцу.

Незнакомец повернулся — это был Тарт.

— Здравствуйте, господин Фрик,— взволнованно сказал он и протянул руку.

— Здравствуйте, дорогой господин Тарт,— ответил другой и пожал руку с большим чувством.

— Нас привел сюда случай, но мы должны им воспользоваться, чтобы примириться.

— Я очень часто думал об этом, да вот только глупое честолюбие мешало,— сказал Тарт.

— Так же, как и мне. Надо признать, что наш спор у «Оноре» был просто смешным.

— Конечно. Впрочем, я должен вам сознаться, что я был абсолютно неправ.

— Нет, я был причиной ссоры.

— Заявляю вам, что именно я вел себя неправильно и бессмысленно.

— Тут не о чем говорить! Я абсолютно уверен, что именно мое недостойное поведение испортило нашу дружбу.

— Я прошу со мной не спорить! Я был виноват.

— Нет, я!

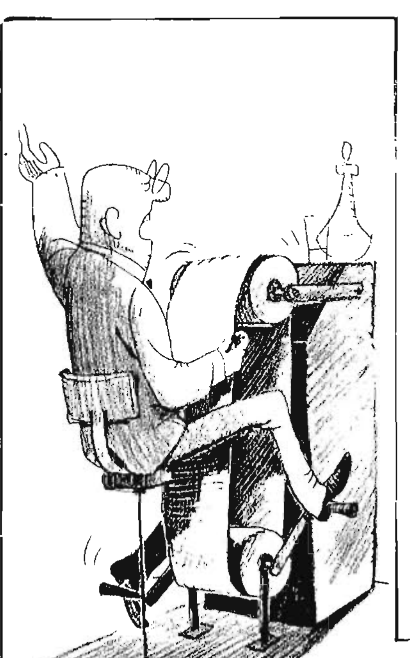
— Вы остались старым упрямцем!

— Это вы дурак, не желающий ничего слушать.

— Нахал!

— Негодяй!

Тяжело дыша, они вышли из-под навеса и направились в разные стороны.

Адам и Ева гуляют по раю. Ева спрашивает:

— Ты любишь меня, Адамчик?

— А кого ж еще? — вздыхает Адам.

●

Служащий обратился к заведующему отделом с просьбой предоставить ему отпуск для поездки на свадьбу сестры.

Когда он возвратился, его вызвал к себе заведующий и обрушился на него, заявив, что он лжец.

— Почему? — спросил служащий.

— Потому что я звонил вашей сестре, и она сказала, что вовсе не выходит замуж!

— В таком случае, мсье, в этой истории не один, а два лжеца!

— То есть как это два?

— Очень просто. У меня нет никакой сестры!

●

Столкнулись трамвай и автомашина. Разъяренный водитель трамвая кричит шоферу:

— Немедленно заворачивай машину! Поедешь со мной в депо и устранишь повреждения.

— Нет, — возражает шофер, — это ты со своим трамваем поедешь ко мне в гараж.

●

За обедом глава семьи объявил, что получил отпуск и вся семья совершит поездку в Париж. А чтобы сберечь время, они туда полетят. Все дети бурно проявляли радость по поводу предстоящего путешествия, только маленький Жак вдруг горько расплакался.

— В чем дело? — спросила его мама.

— А ты возьмешь меня на ручки, когда мы полетим в Париж? А то я ведь не умею летать...

●

— Кто присматривает за тобой, Петер, когда твоя мамочка уходит на работу?

— Фру Хансен.

— Но у нее ведь своих двое детей. Кто присматривает за ними?

— За ними смотрит фру Петерсон.

— Но ведь у нее тоже есть свои дети.

— Да, но они ходят в детский сад, и там за ними присматривает моя мамочка!

Рисунки Эугена ТАРУ (Румыния)

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Христо ПЕЛИТЕВ (Болгария)

ПОРТРЕТ

Праздники кончились, и председатель уже дважды напоминал ему, что пора снять украшения. Отступать было некуда, и сторож принес из сельского кооператива стремянку, вздохнул и принялся снимать портреты. Взглянув на последний из них, он поморгал сначала одним глазом, потом другим, а затем так стремительно сполз со стремянки, что чуть не грохнулся наземь. Он еще раз взглянул снизу на портрет и ринулся к председателю сельсовета.

— Маринчо! — завопил он, еще не успев открыть дверь.— Дед Никола ударился в культ!

— Какой культ? — спросил председатель.— Какой дед?

— Дед Никола Пешак! Ударился в культ!

— Что ты плетешь? Какой культ? Культа давно нет! — удивился председатель.

— Пошли, председатель, сам увидишь!

Когда они вышли на площадь, сторож молча показал на беленький домик. Двухэтажный, с окнами, обведенными по сельскому обычаю ярко-синей краской, он выделялся среди других только тем, что высоко над крыльцом на нем был укреплен большой, метр на метр двадцать, портрет румяного старика с пышными седыми усами. Сомнений быть не могло: на портрете, заключенном в красивую раму, был изображен дед Никола Пешак. Более удачного места для портрета деда Николы трудно было и придумать: он был виден отовсюду, даже с шоссе София — Варна. Особенно теперь, когда другие портреты были убраны...

— Д-да,— произнес председатель, — свихнулся, надо полагать, старик. Немедленно скажи ему, что я его вызываю к себе в канцелярию!

— Где я буду искать старика по лесу, Маринчо? Ты что, не из нашего села, что ли? Не знаешь, что днем старик скотину свою пасет?

— Я сказал — выполняй! — закончил разговор председатель.

Скотины у деда Николы Пешака была одна-единственная буйволица. Ни куры не кудахтали у него на дворе, ни поросята не хрюкали с тех пор, как умерла его старуха. Вот одинокий старик и пас свою буйволицу, разговаривая с ней, как с самим собой, поминая свою старушку. Пас он буйволицу где хотел, и мало кто укорял его за это.

Сторож не стал разыскивать старика, а подождал, пока тот вернулся с луга со своей буйволицей.

На площади между тем скопилось много людей, пришли даже из соседнего села взглянуть на портрет и на человека, вздумавшего впасть в культ.

— Ты уж не министром ли стал? — спрашивали они погонявшего буйволицу старика.

— Каждый в своем доме министр! — с достоинством отвечал дед.

— Дед Никола,— почтительно спросил его председатель, когда тот пришел в сельсовет.— Я пригласил тебя, чтобы спросить: почему ты повесил свой портрет на площади?

— Ну как тебе объяснить, Маринчо,— ответил дед.— Ты моих сыновей знаешь?

— Как не знать! Один — большой человек в Софии, а другой — на ответственном посту в Варне. Но ты меня сыновьями не пугай да и их не срами своим портретом!

— Понятно,— согласился старик.— Но могу я тебе задать вопрос, Маринчо?

— Спрашивай.

— Ты моих сыновей в нашем селе видел за последние три-четыре года?

— Нет как будто...

— То-то же,— проворчал старик и перекрестился.— Вот тебе крест святой, и я их ни разу у себя дома не видал за это время... Все, говорят, у них времени нет меня повидать...

— Ну, это ваше семейное дело,— сказал председатель.— Ты мне скажи: зачем портрет увеличил и повесил на видком месте?

— А чтоб видели...

— Кто?

— Да сыновья мои, Маринчо. Зову их к себе в гости — отвечают: «Времени нет!» Вот я портрет и повесил: поедет из Софии в Варну один или другой из Варны в Софию, ну и поглядят на старого отца! Хоть из автомобильного окошечка...

Так и висит портрет до сих пор в ярко-синей раме.

Может, и вы его видели, когда ехали в Варну? Или в Софию?

КРОКОДИЛ

№ 28 (2038)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, Г. и В. Караваевы, А. Семенов, Ю. Степанов, М. Ушац, Ю. Черепанов, Е. Шабельник.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 20/IX 1972 г. А 00984. Подписано к печати 29/IX 1972 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд.
Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва А-47, ул. Правды, 24. Отпечатано в типографии «Уральский рабочий», г. Свердловск, пр. Ленина, 49.
Тираж 5 000 000 экз. (5 завод: 4 212 971 — 5 000 000)
Заказ № 1425

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ БРУДЕРШАФТ

Рисунок А. СЕМЕНОВА